

Реваншист

Автор:

Анатолий Дроздов

Реваншист

Анатолий Федорович Дроздов

Анатолий Дроздов – популярный в России и Беларуси писатель-фантаст, известный по произведениям в жанре «попаданчества» и альтернативной истории.

В предлагаемом романе автор продолжает «попаданческую» тему. На сей раз главный герой ментально отправлен в собственное прошлое и пытается прожить жизнь заново. Итак, знакомьтесь: Сергей Девойно, современный литератор, увы, не слишком удачливый. Из наших дней он переносится в 1975 год – в тело... себя самого, в ту пору только мечтающего о писательских лаврах. Он снова слесарь Минского тракторного завода, живёт в общежитии. Сиротство, бедность – незавидные стартовые условия. С одной поправкой: Сергей помнит всё, что произошло с ним, страной и миром в последующие годы, а значит, может попытаться изменить не только собственную судьбу, но и ход мировой истории. Для начала герою нужно стать тем, чьё мнение авторитетно для многих. А чем не способ обрести славу и влияние, написав, например, «Гарри Поттера» на русском языке? На десятки лет раньше оригинала...

Анатолий Дроздов

Реваншист

Роман

Светлой памяти родителей моих

Вокруг была тьма.

Но не ночь – та не бывает такой непроглядной. Как ни укрывай окна шторами, свет все равно пробьется, и привыкший к темноте глаз различит проступающие в серой мгле стены и мебель. На забытье мое состояние тоже не походило: ведь я размышляю? Сон? Сны не бывают черными – это миф. Спящий человек всегда что-то видит: людей, животных, дома, природу... Ничего подобного вокруг не наблюдалось: тьма стояла плотная, почти осязаемая. Я попробовал пошевелить руками, затем ногами – ничего не вышло. Я вообще не чувствовал своего тела – его будто и не было. «Значит, я умер, – пришло осознание. – Дочь обрадуется».

Странно, но эта мысль почему-то не взволновала. Да и с чего? Со дня, когда меня выкинули на пенсию, я не шел, а бежал к могиле. Вылезал из квартиры лишь в магазин за очередной партией бухла и квасил до посинения, пропивая остатки сбережений и печень. Печень, на удивление, выдержала, а вот сердце – нет. Когда грудь сдавило, и накатил страх, инстинкт заставил меня уцепиться за жизнь. Я вызвал скорую и открыл дверь. Затем упал – там же, в прихожей. Это было последним, что я помнил.

«Интересно, где я умер: дома или в больнице?» Мысль мелькнула, чтобы пропасть: какая разница? «Где меня похоронят?» Да не все ли равно? Дочь наверняка выберет кремацию – так дешевле. Урну с прахом забирать не станет – сейчас многие так поступают. Зачем возиться? Из крематория позвонят раз-другой и уgomонятся. Урну где-нибудь прикопают. На колумбарий дочь тратиться не будет. Государство выделяет на погребение пособие, которого хватит и на колумбарий, но дочь постарается сэкономить. Еще и с холдинга помощь стрясет. В моем пенсионном удостоверении стоит штамп «ветеран труда». В этом случае в соответствии с законом организация обязана участвовать в погребении. Дочь это знает: она у меня умная. Кандидат юридических наук как-никак. Холдинг потратится на автобус, от Союза писателей пришлют венок. У них это отработано. Большая часть членов Союза – старики, а те имеют обыкновение умирать. Союз пришлет делегатов, те посидят, выпьют, толкнут речь о заслугах усопшего, пожелают ему земли пухом. После чего обо мне забудут – как и о

других. Кому сегодня интересны писатели? Ведь есть Ютуб, компьютерные игрушки, фильмы, наконец. С ними легче. Все для тебя разжевали – открывай рот и глотай. К чему утруждать мозг? Ну, или то, что у них в черепах...

Воспоминания накатывали солено-горькие, как океанские волны. Еще там, за Гранью, я осознал: жизнь прожита зря. И ведь не бездельничал: пахал так, что кости скрипели. У меня было все, что составляло предмет гордости советского человека: семья, квартира, машина, дача... В 90-е все посыпалось. Сначала сбежала жена. «Милый, в Италии платят такие деньги за уход за стариками – я заработаю и вернусь». Ухаживать ей так понравилось, что решила не возвращаться. Дочь-подросток осталась с отцом. Ее нужно было выводить в люди, и я лез из кожи. Репетиторы, вуз, аспирантура, защита диссертации – все требовало денег. Зарплаты не хватало. Но тут выяснилось, что за книги в России стали платить. Для меня начался звездный сезон или каторга – это как посмотреть. Приходя домой, я ужинал и садился за клавиатуру. Стучал по клавишам до глубокой ночи. Утром, невыспавшийся, бежал на работу. Эльфы, орки, гоблины, гномы – вся эта хрень путалась в мозгах, но пипл хавал, книги раскупали, а на счет капали вожаемые рубли. Их хватило, чтобы купить дочери трехкомнатную квартиру, а вот на мебель – уже нет. К тому времени в литературу пришел кризис, орки с гоблинами читателю надоели, а ничего другого в голову не приходило. Гонорары иссякли. Дочь с зятем обиделись. Как же, они рассчитывали! Я предложил им зарабатывать самим. Это возмутило их до глубины души. Дочь пыталась уговорить меня сменить трехкомнатную квартиру на однокомнатную, а разницу, естественно, отдать ей, но тут я уперся. В этих стенах я прожил более тридцати лет, и они для меня много значили. Дочь с зятем ушли, хлопнув дверью, и более не появлялись. На звонки не отвечали. От чужих людей я узнал, что стал дедом, но внука мне не показали.

Оставалась работа. В 90-е, сообразив, что теряю моторность, я уговорил руководителя одной важной организации учредить журнал. К тому времени издания возникали одно за другим, но прогорали быстро. Мы выжили – команда была хорошей. Работалось интересно. Все фонтанировали идеями, и мы претворяли их в жизнь. Журнал толстел и рос в тираже. Мировой кризис нас не затронул – только окрепли. Журнал знали в стране и за рубежом. Главный редактор в моем лице ездил по конференциям, где выступал с докладами. Их растаскивали на цитаты. У меня брали интервью... А потом у директора холдинга, которому принадлежал журнал, образовался племянник – выпускник журфака. Родного человечка следовало пристроить. Для начала его усадили мне заместителем – набраться опыта. Для этого требовалось наличие мозгов, а у племянника они отсутствовали. Тем не менее, через пару лет он решил, что

созрел. Чем меньше человек знает, тем больше у него апломба. Последний контракт со мной продлили ровно до пенсии, после чего уволили.

Племянник угробил журнал за два года. Чтобы создать новое, требуется недюжинный ум, а развалить может любой дурак. У племянника вышло блестяще. Для начала он уволил моих людей – они ведь осмеливались спорить! Взамен набрал каких-то мутных дружков. Те смотрели ему в рот и кланялись. Было за что. С их способностями максимум, что им светило, – метла дворника. А тут офис, тепло, уютно – нужно только не забывать вовремя лизнуть шефа в зад. Через год тираж журнала упал в три раза, издание село на дотации. Цитировать его перестали. Я видел агонию детища, но помешать не мог. Кто станет слушать списанного в тираж редактора? Оставалось пить...

Сколько времени я предавался размышлениям, понять было трудно. Наверняка долго. Я вспомнил многое. При этом ругался и плевал – фигурально, конечно. Странно, но новая ипостась не мешала мне испытывать эмоции. В конце концов, это надоело. Прошное осталось там, сейчас следовало подумать о другом. Например, где я, и что будет дальше? Ответа не было, окружающее выглядело непонятно. В книгах, которые я читал, посмертие выглядело иначе. Темный тоннель, свет в конце, а там – ангелы и родственники, ушедшие раньше. Далее мнения авторов расходились. Каждый гнул свою версию, но общим было одно: с душой что-то происходило. Но мой комитет по встрече медлил. «Может, никто и не придет?» – мелькнула мысль, и мне стало жутко. Висеть в темноте неизвестно сколько времени? Да я с ума тут сойду, загрызу себя воспоминаниями. «Господи! – взмолился я. – Великий и всеблагий! Сделай хоть что-нибудь!»

Меня словно услышали. Вдали показался светлячок. Он походил на пламя свечи, только в отличие от него был белым и прозрачным. Мельтеша, словно бабочка над цветком, он медленно приближался, пока не встал передо мной.

– Испугался? – спросил мужской голос.

Он прозвучал прямо в сознании – громко и отчетливо, по-человечески. Так, что я мог разобрать и оттенок, и тембр.

– Испугался! – признался я.

– Все пугаются, – равнодушно сказал голос. – Разве что праведники радуются. Но тех...

По его тону можно было понять, что праведников он давно не встречал.

– Ты – ангел? – спросил я. – Этот, как его, херувим?

– И шестикрылый серафим тоже! – хмыкнул собеседник. – Какой только хренью не пичкают вас на Земле!

«Надо же, грубит», – удивился я.

– Иначе не понимаете, – пояснил гость. – Стоит проявить милосердие, как начинают кланяться. «А можно мне хотя бы одной ножкой в рай? Я только с краюшку постою», – передразнил он кого-то и тут же деловито спросил: – Просить будешь?

– Нет, – сказал я.

– Почему?

– Все равно не помилуете.

– По крайней мере, самокритично, – одобрил он. – Чего взывал?

– Нужно определиться.

– С чем?

– С местом пребывания.

– Так ты его занял, – сказал гость. Мне показалось, что он пожимает плечами. Интонация, по крайней мере, была такой. – Что заслужил, то и получил. Вот побудешь тут лет эдак двести по вашим меркам, каждый грех вспомнишь в мельчайших подробностях и за каждый покаешься, – в его голосе чувствовалось нескрываемое злорадство. – Тогда и поговорим о месте.

Я струхнул. Перспектива выглядела мало вдохновляющей. Но паника, затопившая сознание, быстро ушла. Если б меня ждало то, о чем говорил посланец, он бы не явился. Тут что-то другое. Темнит «херувим».

– Умный! – раздалось в моем сознании. – Всегда им был. Догадался.

– Меня ждут мытарства? – спросил я.

– Раскатал губу! – хмыкнул он. – Мытарят тех, у кого есть шанс. Или сам оправдается, или за него заступятся. Тебе это не грозит.

– Тогда зачем пришел? – вздохнул я.

– Послали... – огорченно сказал он. – Ты – хитрый! Успел сказать.

«Что? – удивился я. – Когда? Постой... Перед тем, как упасть в прихожей, я что-то проговорил. Ну, да! „Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, грешного!“»

– Да еще трезвый был, – подтвердил гость. – Молитвы пьяных Он не принимает. Так что будет тебе милость, раб Божий. Отправишься назад и проживешь жизнь, как Им заповедано. Если сможешь.

В его голосе читалось неприкрытое сомнение.

– Э-э, нет! – запротестовал я. – Умер, так умер! Не хочу!

– А кто тебя спрашивает? – вновь хмыкнул он, и от белого облачка ко мне протянулся луч. Он коснулся моего сознания, и...

* * *

Я открыл глаза. Вокруг было темно. Но не так, как только что в непроглядной взвеси. В полумраке виднелась дверь и раковина умывальника в углу. Я поднял голову и осмотрелся. Узкая, как пенал, комната с одним окном. Напротив окна – дверь. По обеим сторонам, вдоль длинных стен – койки, возле каждой – тумбочка и стул. Всех коек четыре, три из них заняты, включая мою. Больничная палата –

это к гадалке не ходи.

«Все-таки меня откачали, – пришло понимание. – А то, что я видел и слышал – галлюцинация. Вкололи какую-то дрянь...»

Я почувствовал облегчение. Хоть и не цеплялся за жизнь, но пережитое только что пугало. Пусть даже это глюк.

Возле моей кровати не наблюдалось никакой аппаратуры. Даже капельницы. И вообще палата не походила на реанимацию. Значит, не инфаркт. В кардиологии мне доводилось бывать – друзей навещал. Обстановка там другая.

Я осторожно сел и прислушался к себе. Удивительно, но нигде не болело. Ни в груди, ни в колене (мой застарелый артроз), даже спина не ныла. Обезболивающих явно не пожалели. В диссонанс этой мысли внезапно засадил лоб. Я поднял руку и нащупал бинт. Ага! Суду все ясно. Падая, я, видимо, приложился лбом. Наверное, хорошо рассек, если забинтовали. И шов есть, иначе залепили бы пластырем. Это не беда. Я не модель, физиономией не торгую.

Подумав, я встал. Организм требовал кое-куда заглянуть. Меня не качнуло и не повело. Я вообще чувствовал себя прекрасно, если не принимать во внимание рассаженный лоб, конечно. Одежды на стуле не наблюдалось, и я в одних трусах вышел в коридор.

Здесь был свет. Тусклый и желтый. В подвешенных к потолку плафонах горели лампы накаливания. «Совсем не экономят электроэнергию, – мелькнула мысль. – Госконтроля на них нет. Они за энергосбережение глотку выгрызут».

Коридор выглядел убого. Крашенные голубой краской стены, беленый потолок, коричневый линолеум под ногами. Неподалеку виднелся стол дежурной, но ее самой не было. «Это куда меня завезли? – думал я, шлепая в конец коридора. – По уму, должны были в „девятку“ – она ближе. Но там такого убожества точно нет, приходилось бывать». Туалет, наконец, нашелся, и я протянул руку к двери. И замер: рука была грязной! Причем измазюкана капитально, как будто копался в моторе. Я поднес к глазам левую руку – та была точно такой же. Это где ж меня угораздило? По асфальту, что ли, тащили?

Организм вдруг резко напомнил, зачем я здесь. Ладно, потом выясним. В туалете горел свет. Умывальник здесь был, как и мыло – розовое и размокшее. Ополоснув руки – грязь слезла с них удивительно легко, я вытер ладони о вафельное полотенце и скользнул в кабинку. Струя зажурчала в унитаз. Блаженство! Я подтянул трусы и вдруг замер. Это тело не могло быть моим! Где живот, закрывавший привешенные снизу причиндалы, где ноги с вылезшими венами? Я поднес к глазам ладони. Они были крепкими, с проступающими венами на тыльных сторонах, с подушечками мозолей у основания пальцев. Не мои. Черт!

Хлопнув дверью, выбежал из туалета и помчался к столику дежурной. По пути в туалет я заметил на нем настольное зеркальце. Рядом еще красовался механический будильник с круглым циферблатом.

Зеркало я схватил почти на бегу. На меня глянуло смутно знакомое лицо. Слегка вытянутое, но не лошадиное. Не красавец, но и не урод. Прямой нос, тонкие губы, на подбородке – ямка. Лоб скрывает повязка, но и так видно, что высокий. Волосы – темные, острижены коротко. Тусклый свет помешал рассмотреть цвет глаз, но я и без того знал, что они зеленовато-серые.

– Что вы здесь делаете, больной?

Я оглянулся. Та-ак. Пухлая тетка лет сорока. Белый халат наброшен на плечи, лицо мягкое. Дежурная медсестра. Спала вместо того, чтобы бдить. Я разбудил ее, хлопнув дверью.

– Простите! – я вернул зеркало на стол. – Хотел посмотреть. Вот! – я коснулся пальцами бинта.

– Вам нельзя вставать!

– Мне этого не говорили.

– Так вас же без сознания привезли! – фыркнула она.

– Ходил в туалет...

– Под койкой есть утка. Могли б позвать.

Выпалив это, она сбавила тон. Ну да, дозволялся бы я...

– Извините, – вновь повинился я. – Не скажете, какое сегодня число?

– Седьмое, – ответила она, бросив взгляд на будильник.

– А месяц какой?

Она глянула на меня с жалостью.

– Июнь тысяча девятьсот семьдесят пятого года. Идите в палату, больной! Немедля!

– Слушаюсь! – отрапортовал я.

Сестра отконвоировала меня к койке. Затем исчезла, притворив за собой дверь. Наверное, пошла досыпать. Как только шаги смолкли, я встал. Над палатным умывальником я приметил зеркало. Щелкнув выключателем, уставился в него. Нет, не ошибся. Это я. Сергей Александрович Самец, собственной персоной. Только моложе на сорок лет.

– Эй! – донеслось с ближней койки. – Гаси свет! Днем насмотришься.

Я щелкнул выключателем и протопал к себе. Там прилег, устроив голову на тощую подушку. Гадский херувим! Удружил. Что теперь? Все по второму кругу? Рвать жилы? Биться лбом в те же двери? Завод, заочная учеба и, как подарок судьбы, приглашение в многотиражку. Как же я тогда радовался, дурак! Сколько фигни написал, тратя на это силы и время. Затем была ведомственная газета, потом республиканская. Первая книжечка в бумажном переплете... Ее никто не заметил и, кажется, не прочел. Зато книжечка помогла мне пробиться в Союз писателей. Даже не хочется вспоминать, чего это стоило. Печень едва выдержала. Жена, ребенок, квартира – «подменка», полученная от редакции. Гора счастья... Вторая книжечка, повторившая судьбу первой, зато выданные через Литфонд трехкомнатная квартира, автомобиль, участок земли. Сколько пришлось побегать, чтобы построить дачу! Сколько пришлось кланяться, писать лживых статей! И что в итоге?...

Ничего мне не изменить. Я – винтик в огромном механизме. Где вкрутили, там и должен торчать. Попробуешь выскочить – смелют в пыль. Спасти СССР? Ага! Союз сгнил, хотя делает вид, что крепок. И сгноила его партия – та самая, которая КПСС. При Хрущеве она встала на путь автаркии[1 - Самообеспеченность, самодостаточность.]. Спряталась за забором и стала жить для себя. Спецклиники, спецсанатории, спецраспределители... В командировке мне рассказывали: жена первого секретаря обкома, директор школы, поручила учителям купить конфеты «грильяж». Хотела угостить зарубежных гостей. И очень удивилась, когда ей ответили, что в магазинах таких конфет нет. Не бывает. Партия избавилась от контроля общества, преследует за критику в свой адрес. Это мешает ей строить коммунизм – для себя любимой. У меня был одноклассник, который захотел поступить в МГИМО[2 - Московский государственный институт международных отношений.]. Мечтал о карьере дипломата. Умница, золотой медалист – он подступал к высоте трижды. Потерпев поражение, вновь готовился. Штудировал книги, занимался с репетиторами. Пока, наконец, кто-то не сжалился. Однокласснику объяснили, для кого существует МГИМО. Кто там числится в студентах. Чей сын, внук, племянник, деверь... Одноклассник не поверил. Такого не могло быть! Ведь он живет в самой справедливой стране! Пути открыты для всех. Он тешил себя этой иллюзией, пока не увидел списки зачисленных. Все названные ему фамилии там были, а вот его – нет. Рассказывая это мне, одноклассник плакал...

Как я могу спасти СССР? Обратиться в ЦК? «Уважаемые члены политбюро, я знаю, что случится со страной в будущем. Первым делом избавьтесь от Горбачева! Закопайте его поглубже...» Они избавятся... В Новинках[3 - Психиатрический диспансер в Минске.] одним пациентом станет больше. О нынешнем политбюро можно сказать кратко: маразм крепчает. Суслов в своем кабинете спускает брюки – жарко ему – и забывает их натянуть. Брежнев через полгода перенесет клиническую смерть и подсядет на наркотики. Через семь лет он умрет. Наступит пятилетка великих похорон. «У вас есть пропуск на прощание с генеральным секретарем? – О чем вы? У меня абонемент...» Выбрать в руководстве СССР самого вменяемого? А как донести до него информацию? Чтобы руководитель прочел письмо, оно должно к нему как-то попасть. Почту сортирует секретариат. Там трудятся люди, ценящие свои должности. Они не станут подносить шефу откровения сумасшедшего.

«Ладно! – сказал я себе. – Утро вечера мудренее». И с этой мыслью уснул.

* * *

Разбудили нас рано. Я умылся, пригладил пятерней волосы (расчески не было) и познакомился с соседями. Слесарь Миша (это он кричал на меня ночью) попал в больницу со сломанной ногой. Возвращался после работы домой и поскользнулся на ступеньках крыльца. Ага, летом, в сухую погоду. Лицо Миши в цветах флага СССР давало ясное представление, как это произошло. Другой обитатель палаты, дядя Коля, неловко поднял диван. В анамнезе – перелом отростка на позвоночнике, постельный режим, уколы.

Завтрак нам принесли в палату. Овсяная каша на воде, два кусочка хлеба (один – белого), кусочек масла, чай. Не зажируешь. Организм у меня молодой, мяса хочет. Можно сбегать в магазин – он неподалеку, но нет одежды. Меня привезли сюда прямо из цеха – это сказала медсестра. Потому и руки были грязные. Спецовку сняли, она в кладовой. А вот кошелек оставили – нашел в тумбочке. В кошельке – тринадцать рублей, восемь копеек. Не так мало для этой реальности. Вареная колбаса стоит от 1,9 до 2,8 рублей за килограмм. Сыровяленая («сухая») – больше пяти. Ее, правда, не купить, когда «выбросят» – очереди. С полукопченной проще. Она бывает четырех видов: «Одесская», «Краковская», «Ветчинная» и «Тминная». Цена где-то 3,5 рубля за килограмм, точно не помню. Водка – 3,62 за бутылку, это самая дешевая – «коленвал». «Столичная» – 4,12, если не ошибаюсь. Вполне можно выпить и даже друзей угостить.

Осталось узнать, как получил травму. В той жизни у меня ничего подобного не было. Как-то уронил на ногу плиту от штампа. Перелом пальца, лечился амбулаторно. А вот чтобы прилетело в голову... Гадом буду – «херувим» постарался. Ладно, врач разберется.

Он появился после завтрака. Лет сорока, с залысинами на высоком лбу, в белом халате и со стетоскопом на шее. С порога направился ко мне и сразу присел на стул у койки.

– Как чувствуете себя, больной?

– Замечательно, – ответил я.

– Говорили, что вставали.

– Ходил в туалет.

– Надо было позвать сестру.

– Зачем?

– У вас травма головы. Привезли без сознания. Скорей всего, сотрясение.

– Был бы мозг – было бы сотрясение.

Врач, видимо, этой шутки не знал, поскольку хохотнул.

– Хорошо, что вы шутите. Но... – он покачал головой. – Голова болит?

– Нет.

– Что, совсем?

– Чему там болеть? Сплошная кость.

Миша за спиной доктора заржал.

– Но-но! – врач погрозил мне. – Головокружение, тошнота?

– Ничего нет. Честное слово!

– Странно.

Врач достал из кармана молоточек.

– Сядьте и смотрите сюда!

Я подчинился. Он поводил молоточком перед моим лицом, затем простукал им руки и ноги. Поднялся со стула.

– Встаньте! Закройте глаза и вытяните руки вперед. Растопырьте пальцы. Так... Не открывая глаз, указательным пальцем правой руки коснитесь кончика носа.

Теперь левой...

– Удивительно, – сказал он, когда я сел. – Все в норме. Если не считать трех швов на лбу. У вас, правда, нет тошноты?

– Честное комсомольское! – заверил я.

– И что с вами делать?

– Выписать! – предложил я.

– Не пойдет, – покачал он головой. – Травмы головы коварны. Надо понаблюдать. Так что лежите. И постарайтесь не вставать. Закружится голова – упадете, ударитесь головой. Она у вас крепкая, но лучше не усугублять. А вот посещения я вам разрешу. Уже звонили...

2

Посетитель нарисовался ближе к ужину. К тому времени я успел отобедать (молочный суп, макароны с куском рыбы, компот) и обдумать свое нынешнее положение. Днем все виделось не так грустно, как ночью. Да, попал. Ну, так в свое тело, а не в какого-нибудь неизвестного индивидуума. Так что никаких проблем с совмещением психоматриц. Я это, я! И тело, и биография, и воспоминания – все мое. Что-то подзабылось, конечно, но это ерунда. На память я никогда не жаловался – вспомним. Почему «херувим» выбрал именно этот период моей жизни, я догадывался. 1975 год стал поворотным в моей судьбе – точкой бифуркации, если говорить по-научному. Я бросил заочное отделение политехнического института и поступил в Литературный – тоже на заочное. Вернее, еще не поступил – это случится в будущем году. Направление было выбрано правильное. А потом я свернул... Поправим.

Итак, план действий. В политику мы не лезем – глупо. Сжуют и не поморщатся. Но кое-что попытаемся. Чернобыльская АЭС... В моем времени эта катастрофа положило начало крушению СССР. А потом... Заболевшие раком дети, переселенные деревни, загрязненные территории... Тридцать лет небогатая

Беларусь, отрывая последний кусок, минимизировала последствия аварии. Вбуханы миллиарды долларов. Если направить их на другие цели, страна легче переживет распад СССР. И националисты обломятся. В той жизни они прорвались в парламент, спекулируя на чернобыльской теме. Правда, потом Батяка их разогнал. Но в этой реальности может пойти по-другому, и моя Беларусь станет задворками Европы. Как та же Болгария.

Чтобы ко мне прислушались, нужен статус. Но не журналиста. Здесь они в авторитете, и даже становятся лауреатами Ленинской премии[4 - Василий Песков, журналист «Комсомольской правды» в 1964 году.]. Но... Аграновских[5 - Братья Анатолий и Валерий Аграновские – самые известные журналисты той поры. Анатолия называли «журналистом номер один».] мне не потеснить – уровень не тот. А с меньшим статусом к властям предержащим нечего и соваться. Зря потрачу время. В той жизни я кинулся в журналистику, потому что не верил в себя. Боялся, что в литературе потеряю время. В принципе, был прав. Тогда я ничего умел. А вот сейчас... Талант, как известно, не пропьешь. И пусть писатель из меня слабенький, не Лев Толстой и не Гоголь – чего уж там, но слова в строчки я складывать умею. В той жизни критики хвалили мой стиль. Были и тиражи, и восторженные отзывы читателей. Значит, смогу.

В литературе, как и в журналистике, очень важно оказаться в нужном месте в нужное время. Здесь у меня колоссальное преимущество. Я знаю, что нужно читателю. Так что – в путь! Все остальное – побоку, даже Литературный институт. Нет, вуз классный. В том времени он превратил провинциального паренька в отменного специалиста, затмевавшего своими знаниями не сподобившихся в нем учиться коллег. Но зубрить по второму кругу? На фиг, на фиг! Для писателя диплом не обязателен. Успех Шолохова с его четырьмя классами гимназии и Пикуля, отчисленного из военного училища «за нехваткой знаний», – тому пример. Шолохов – живой классик, а книгами Валентина Саввича сейчас зачитывается страна. Его романы издаются миллионными тиражами и расходятся влет. Решено!

Где будем пробиваться в литературу? Минск отпадает. Я неважно знаю белорусский язык, а здесь он в тренде. Из трех толстых литературных журналов два выходят на белорусском языке. Третий – «Неман» – публикует переведенные на русский «творы», напечатанные в первых двух. Можно, конечно, подтянуть «мову», но это притормозит путь к признанию. Пока напечатают на белорусском, затем переведут на русский... «Перевести», конечно, могу и сам – Василь Быков так делает, но время, время! У меня его и без того в обрез. До Чернобыльской

катастрофы меньше одиннадцати лет. Отнести рукопись в издательство, минуя журнал? Они там лежат годами. К тому же книга, изданная без публикации в журнале – могила неизвестного писателя. Здесь пока так. Так что – в Москву, в Москву!

Я пребывал в размышлениях, когда отворилась дверь. В палату шагнул мужчина лет пятидесяти – высокий, худой и со смуглым лицом. Надо же! Сам товарищ Мамай пожаловал. И не надо лыбиться: в Беларуси татары живут со времен Витовта. Не один век охраняли западные рубежи Княжества Литовского. В Грюнвальдской битве уконтрапупили великого магистра. С веками татары потеряли язык, но сохранили веру. Их священные книги написаны на старобелорусском языке. По ним, к слову, восстанавливали древнее звучание «мовы».

Мамай встал на пороге и зашарил взглядом. Увидев меня, заулыбался и направился к койке. Блин! Забыл, как его зовут. Столько лет прошло. Неудобно. Хотя... За глаза мастера дразнили «Буденный». Спрашивается, из-за чего? Усы? Лицо у Мамаю гладко выбрито. Значит, имя-отчество...

– Здравствуйте, Семен Михайлович!

– Привет, Сергей!

Мамай опустился на стул, поставив у тумбочки холщовый мешок. Не пустой, между прочим, пришел. Передача прибыла. Сам мастер принес! Горжусь...

– Как ты?

– Нормально, Семен Михайлович! Скоро выпишут. А у вас?

– Ну... – он сморщился.

– Дело шьют?

– Нарушение правил техники безопасности, приведшее к травме работника, – процитировал он. – В мою смену – значит, я виноват. Выговор – это в лучшем случае.

Печаль. За производственные травмы в СССР спрашивают строго. Жаль Михайловича – хороший человек. А выговор – это лишение квартальной премии. И о тринадцатой зарплате можно забыть.

– Что там произошло? Не помню, – я тронул рукой забинтованную голову.

– Ты затачивал штамп на шлифовальном станке. Перед этим менял пуансон. Коснулся его кругом, отлетел кусок... Хлопцы видят: упал. Подбежали, а ты без сознания, и голова в крови...

– А где тут нарушение?

– Ну... – он задумался. – Ты же его боковой стороной круга резал.

Разумеется, боковой. Так удобнее и быстрее. Все так делают. Но правилами запрещено.

– Кто это видел?

– Никто. Но на осколке остался след от круга, так что сразу поймут.

– Осколок нашли?

– Не искали. Не до того было.

– Вот и хорошо. Комиссии скажете: уборщица замела. А мусор вывезли.

– Все равно не поверят, – вздохнул он. – При шлифовке сверху осколок ударяет в щиток.

– Не факт. Излом пуансона видели? Ровный?

– Наискосок, – мастер заинтересовался.

– Вот! – сказал я. – В пуансоне могла быть микротрещина. Или перекалили. Надо выпрессовать остаток и отдать в лабораторию. Пусть проверят. В том штампе

пуансоны часто выкрашивались – значит, перекалены. А теперь смотрим. Я впрессовываю в штамп новый пуансон. Ставлю его на плиту шлифовального станка. Подвожу круг. Бац – отлетает кусок и летит в щиток. Но не прямо, а наискосок. Из-за этого рикошет мне в голову. На щитке вмятина есть?

– Нет.

– Плохо искали. Должна быть.

Я подмигнул.

– Сережа! – Мамай протянул мне сухую ладонь. – Сделаем. Спасибо!

– Не за что, – я ответил на рукопожатие. – Так и напишите в объяснительной: обстоятельства непреодолимой силы.

– Как, как? – заинтересовался он.

Я повторил.

– Запомню. Я тут кое-что принес, – Мамай придвинул к кровати сумку. – Может, еще чего?

– Одежду. Она в шкафчике в раздевалке. Номер шкафчика – восемьдесят два. Не идти же домой в робе...

– Прямо счас и сбегаю! – кивнул он. – Тут рядом.

Ну, да, до тракторного завода – рукой подать. Можно даже пешком – одна остановка. Шестая больница Минска.

– Сергей! – прицепился ко мне Миша, когда Мамай ушел. – Что такое пуансон? И штамп?

– Ну... – я почесал в затылке. – Представь, что то, что у тебя между ног, называется пуансоном. А то, что у жены, – матрицей.

Миша хихикнул.

– Ты ведь вставляешь пуансон в матрицу?

– Конечно! – Миша обиделся. – Я же не импотент!

Дядя Коля заржал.

– Что будет, если между пуансоном и матрицей положить, скажем, носовой платок?

– Ну...

– Пуансон втянет его в матрицу. По такому же принципу работает штамп. Бац – и пуансон выдавил в металле деталь. Миску, к примеру. Или вырубил отверстие – скажем, под болт. Так изготавливают многое. Со временем пуансоны и матрицы тупятся. Их требуется подточить или заполировать края, если штамп гибочный. Этим я и занимаюсь.

– Мы так вырубаем прокладки в краны, – сказал Миша. – Из листовой резины. Но я не знал, что вырубка – пуансон. Умеешь ты объяснять!

А то! Меня за это в редакциях ценили. Написать сложно может любой дурак. А ты сделай так, чтобы домохозяйка поняла...

Мамай сдержал слово. Пока он ходил, я обревизовал передачу. Деревенская, «пальцем пиханная» колбаска, домашняя булка, конфеты и даже бутылка коньяка. Фруктов нет – их в июне не продают. Свои не выросли, а из-за границы не завозят. Не поскупился мастер! Ну, и я не остался в долгу. Квартальная премия у Мамаи рублей двести. По нынешним временам – сумма! А бутылка коньяка стоит чуть больше пяти. Нормальный обмен.

После ужина я отнес бутылку врачу. Поначалу тот заартачился, но конфеты склонили чашу весов в нужную сторону. Я получил разрешение покинуть больницу на предстоящие выходные под железное обязательство вернуться вечером в воскресенье. Перед этим доктор вновь провел тест с доставанием носа пальцами и убедился, что пациент в порядке.

– Наверное, просто болевой шок, – пробормотал задумчиво. – Оттого и сознание потерял. Ладно. Застрахован?

Я кивнул.

– Справку составлю как нужно, – пообещал доктор.

Я поблагодарил.

Больницу я покинул в сумерках. К остановке шел, неся в правой руке сумку Мамаю. Колбасу и выпечку я зажал. Есть захочется, а в магазин заходить лениво. Да и к вечеру на прилавках – шаром покати.

Улицы города выглядели пустынно. Вечер пятницы. Народ сидит по домам или рванул в деревни: Минск – город приезжих. Сам такой. Личного транспорта здесь мало, государственный стоит в гаражах.

В воздухе стоял кислый запах горелой земли. Литейка... На тракторном она работает в три смены. Рядом – заводы автоматических линий и шестерен. Тоже не легкие планеты. Промышленный район. Подошел автобус, и я, запрыгнув в полупустой салон, сел у окна. Талончик пробивать не стал: в кошельке проездной. «Икарус» медленно катил по пустынной улице. Я смотрел, узнавая забытые места. Парк 60-летия Октября – так его назовут два года спустя. Пока – «Корчи». Прозван народом за торчащие на дорожках корни деревьев. Гостиница «Турист», улица Плеханова. В моем времени здесь пустят трамвай и настроят высоток. Но пока – двухэтажные «сталинки» и частный сектор. Панельные дома начинаются в Серебрянке. В этом микрорайоне я живу.

Автобус свернул на проспект Рокоссовского, затем – улицу Малинина. Все герои Отечественной войны. В Минске их именами названы десятки улиц. В моем времени ни одну не переименовали, даже новые появились. В Беларуси не забыли, кому обязаны освобождением. В той жизни я жил на улице Рафиева – азербайджанца, танкиста, Героя Советского Союза. Что бы он сказал, узнав, что через шестьдесят лет после его подвига на Украине в таких, как он, будут плевать? А в Прибалтике снесут памятники павшим воинам? Националисты, мать их!..

Автобус подкатил к остановке. Я вышел и зашагал к комплексу зданий, стоящему на возвышении. Два девятиэтажных жилых корпуса, соединенных двухэтажным переходом. Малинина, 28 – общежитие тракторного завода. Один корпус – мужской, второй – женский. По четыре сотни женихов и невест с каждой стороны. Вечерами из корпуса в корпус идет бурное встречное движение, за которым присматривают бдительные вахтерши. От них не скроешься – знают все. Посетителей пропускают только до 23 часов. После чего гостей из общежития выдворяют. Как-то один из изгнанных решил влезть к подружке через лоджию. С внешней стороны женского корпуса они низкие. Мимо шел милицейский патруль. Он засек нарушителя и стал свистеть. Испугавшийся парень успел скрыться, потеряв при этом ботинок. Милиционеры подобрали его и предъявили вахтерше. Та выдала полную информацию: как зовут парня, к какой девушке он ходит и в какой комнате сейчас. Чекистки...

Вахтерша, увидев меня, ойкнула.

– Все в порядке, Юзефа Ивановна, – успокоил я. – Бандитская пуля. Но враг не прошел.

– Сказали, несчастный случай, – не поверила она. – Железякой пробило голову, в больницу без сознания отвезли. Девчата плакали.

– И зря! – сказал я. – Нет железяки, способной пробить лоб советского человека.

– Как тебя только из больницы выпустили? – покачала она головой.

– А чтоб не мешал, – просветил я. – У них там праздник. Юбилей.

– Какой?

– Сотого больного похоронили.

– Тьфу на тебя! – плюнула Юзефа. – Нашел чем шутить! Иди отсюда!

– Слушаюсь! – я вскинул ладонь к виску.

– К пустой голове руку не прикладывают! – уязвила она.

– А кто сказал, что она полная?

– Трепло! – заключила Юзефа. – И за что тебя девки любят?

– Я добрый, – сообщил я. – Они это сердцем чувят. Или другим местом.

Юзефа потянулась к венику, стоявшему у стола, и я ретировался. А то ведь махнет сгоряча. Наша вахтерша – женщина суровая, в войну служила в НКВД. Ее группа в числе первых врывается в освобождаемые города. Задачей чекистов был арест коллаборационистов, которые не успели сбежать. Нужные адреса у них были.

Мне Юзефа благоволит. Во-первых, я сирота, а она – детдомовская. Родственные души. Во-вторых, я пришел со службы с медалью. У фронтовиков к медали «За отвагу» отношение особое. Просто так ее не давали. Юзефой я был допрошен и признан достойным. Теперь вхожу в список особо доверенных лиц. Могу даже оставить девушку на ночь. Правда, Юзефа этого не одобряет, так что льготой я не пользуюсь. Пока...

Я поднялся на седьмой этаж и открыл дверь с номером 707. Планировка в общежитии блочная, в каждом блоке две комнаты. Каждая рассчитана на двоих обитателей, итого их в блоке – четверо. Однако на каждом этаже есть блок, не имеющий второй комнаты. Ее «съел» лестничный пролет. Жить в таком считается удачей – всего один сосед. В комнаты с цифрами «07» селят лиц, приближенных к руководству, то есть блатных, или особо заслуженных. Я – из вторых. Кавалер боевой медали... В комитете комсомола похлопотали.

Соседа дома не оказалось. Все ясно: свинтил в деревню. Там у Коли родители и дружбаны. Завтра отправятся на Щару[б - Река в Беларуси.], где будут купаться и ловить рыбу. Был я у Коли. Родители у него замечательные, да и сам он – парень что надо. Футболист, кандидат в мастера спорта. Заочно учится в физкультурном институте. В 90-е Коля пойдет в бизнес, и его убьют. Бандитский наезд. Все сделаю, чтобы этого не случилось...

Встав на пороге, я некоторое время обзирал место моего прошлого и нынешнего обитания. Аскетично. Две койки с железной сеткой и спинками из шпонируемого ДСП. Стол, на нем лампа. Купили в складчину. И Коле, и мне

нужно готовиться к сессии. Хотя мне – уже нет. Стул один. Если приходят гости, они сидят на койках. На окнах – шторы из плотного льна. Стенные шкафы, дверь в туалет... Душ – в подвале.

Я снял ботинки, брюки с рубашкой и переоделся в спортивный костюм. Затем, кинув полотенце на плечо, отправился в душ. Там осторожно ополоснулся, стараясь не мочить голову. После купания захотелось есть. Я выложил колбасу на деревянную доску и нарезал ломтиками. Нож пластал мясо играючи. Ну, так – сам делал. Инструментальщики мы или кто? Ножи мы изготавливаем из расклепанных моторных клапанов. Их сталь хорошо держит заточку и не ржавеет. Заготовки поставляет кузнечный цех. По бартеру – за готовые ножи, или за деньги. Дальше – просто. Из полос на наждаке формируется контур – лезвие и рукоять. Затем будущий нож вставляется в самодельную оправку и кладется на стол плоскошлифовального станка. Спускаем «конус», затем шкурка и полировальный круг. Лезвие получается зеркальным – смотреться можно. Остается просверлить твердосплавным зенкером отверстия под заклепки в рукояти и прикрепить накладки. Для них используют органическое стекло. Здесь каждый изгаляется, как может. Можно просто поместить под накладку цветную фольгу. Ее предварительно мнут, затем расправляют. Получается красивый узор. Один слесарь засунул под накладку фотографию тещи. С другой стороны – свою. Пришел домой, положил на стол своим фото кверху. Теща заметила и стала ругать зятя. Дескать, самовлюбленный болван. Затем перевернула нож... Слесарь уверял, что после этого отношения с тещей наладились. Есть любители, которые делают наборные рукоятки. Но это сложнее. К лезвию нужно приварить шпильку, на которую нанизать куски оргстекла. Зажать на вершием и сформировать рукоять. Морока. У меня рукояти простые. Строгать продукты это не мешает.

Уполовинив колбаску, я сбегал на кухню и вскипятил чайник. Сыпанул в заварник из бумажной упаковки. Чай грузинский, сено-соломенный. Индийского в магазинах нет. Дефицит. Дают только в продовольственных заказах, да и то – к праздникам.

Попив чаю с выпечкой, я помыл посуду и достал из шкафа стопку бумаги. Как плохо, что нет компьютера! Даже пишущей машинки. Они в этом времени продаются, но цена! Калечная «Москва» стоит 135 рублей – это моя месячная зарплата. Но за такое убожество и рубля жалко. Этой «Москвой» только гвозди заколачивать. Из портативных машинок самая лучшая – «Эрика». Ее делают в ГДР. Чудо, а не агрегат. Тихая, эргономичная, писать – одно удовольствие. Но и

цена соответствующая – 280 рублей. В прошлой жизни у меня была югославская «Юнис», обошлась в 220. Тоже хорошая модель. Но ни «Эрики», ни «Юниса» в Минске не купить. В Москву ехать надо.

Машинка сейчас не требовалась. Я взял шариковую ручку и вывел: «Паважаныя таварышы! Даколи наша милицыя будзе сажаць у турму не тых? У нашай вобласці гвалцяць і забіваюць жанчын. Кагосці за гэта ўжо пасадзілі. Але яны невіновныя. Гвалціць і забіваець Михасевіч Генадзь з вёскі Салонікі ля Полацка. Ён сам, п'яны, аднойчы мырмытаў сабе пад нос, што вось які разумны. Ён гвалціць і душа жанчын, а садзяць іншых. Ён думаў, што ніхто не чуе. Але я пачув. Разбярыцеся. Ён не глядзіце, што ён такі прымерны, нават у дружыну ўступіў. Бандыт і забойца, вось хто ён! Сваё імя не пишу, бо калі вы яго не арыштуеце, будзе мне помсціць.

Добры чалавек».

(Перевод: «Уважаемые товарищи! Доколе наша милиция будет сажать в тюрьму не тех? В нашей области насилуют и убивают женщин. Кого-то за это уже посадили. Но они невинные. Насилует и убивает Михасевич Геннадий из деревни Салоники около Полоцка. Он сам, пьяный, однажды бормотал себе под нос, что вот какой умный. Он насилует и душит женщин, а сажают других. Думал, что никто не слышит. Но я услышал. Разберитесь. И не смотрите, что он такой примерный, даже в дружину вступил. Бандит и убийца, вот кто он! Свое имя не пишу. Если вы его не арестуете, будет мне мстить. Добрый человек»).

Я взял конверт – у заочников они всегда есть – и написал адрес: «Минск, КГБ». Затем полюбовался на текст. То, что нужно. Стирать отпечатки пальцев я не стал. Зачем? Таких анонимок в органы приходят сотни. Сообщение об уголовном преступлении? Ерунда. Вот если бы я написал, что собираюсь убить Брежнева... Хотя не факт, что нашли бы. У многих людей кинематограф и детективы сформировали неверное представление о возможностях правоохранительных органов. Дескать, не успеешь пукнуть, а люди в штатском – уже за спиной. Ерунда. В ночь на 4 июля 2008 года во время празднования Дня Независимости у стелы «Минск – город-герой» произошел взрыв. Расследование показало, что это теракт. Около 50 человек были ранены. На празднике был президент, так что можно представить, что он сказал органам. За два года они перевернули страну. Дактилоскопировали практически все мужское население. (На второй, неразорвавшейся бомбе у стелы остался отпечаток пальца.) Результат? Террорист со средним образованием, троечник, легко проскользнул в

расставленную сеть. Изготовил новую бомбу и 11 апреля 2011 года взорвал Минское метро. Погибли 15 человек, более 300 пострадали. Некоторые стали инвалидами. Гада поймали и расстреляли, но сам факт... Искали милиция и КГБ, приезжали консультанты из-за границы – все без толку. Если бы не видеокамеры в метро...

В КГБ за мое письмо уцепятся. Михасевич разбойничает пятый год. Не одну женщину спровадил на тот свет. Милиция сбилась с ног. Посадили нескольких невиновных. Сигнал в работу возьмут. Михасевича расколют – психика у него неустойчивая. Сделают обыск, найдут вещи жертв – маньяк их грабил, а это – улики. Почему КГБ? Комитет за милицией присматривает. Если получится раскрыть тяжкое преступление, да еще ментов рожей в грязь сунуть, сильно обрадуются. Отношения между ведомствами не лучшие. Откуда знаю? В той жизни я контактировал с органами. Журналист... И о деле Михасевича я писал. Заклеив конверт, положил письмо на стол. Завтра брошу.

С наслаждением почистив зубы (индийская паста «Kolynos» – это вам не болгарский «Поморин»), я отправился спать. С чувством глубокого удовлетворения. Один долг прошлому я вернул.

3

Утром съездил в библиотеку и набрал журналов. Свежие номера были на руках, но я не стал заморачиваться – какие были, такие и взял. Разницы нет. На обратном пути забежал в гастроном, купил продуктов, заодно заглянул в аптеку. Приобрел бинт, марлевые салфетки, пластырь и перекись водорода. Дома размотал повязку и осмотрел рану. Она тянулась от лобной кости к виску. Три шва. На вид страшно, но на деле – ерунда. Рана сухая, кожа вокруг несет следы йода, но видно, что воспаления нет. Заживет.

Я обработал раневое поле перекисью, приложил салфетку и закрепил ее пластырем. Совсем другой вид! А то на улице и в библиотеке на меня посматривали. «Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве...» Не фиг привлекать к себе ненужное внимание.

Пообедав, я устроил себе литературный день. Первоначальную селекцию изданий я провел в библиотеке. Например, не стал брать журналы «Нева» и «Москва». Первый печатает ленинградских писателей, второй – московских. Нечего и соваться. «Дружба народов» сориентирована на переводную литературу из национальных республик. Не мой случай. Остаются «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Юность». К вечеру у меня устали глаза, и я, бросив чтение, плюхнулся на койку. М-да... В том времени у меня остались лучшие воспоминания о литературе советского периода. Как же, классика! Так-то оно так, но классиков в СССР не много. И писали они не по роману в месяц. Здесь вообще считается неприличным выдавать крупноформатное произведение чаще, чем раз в два года. А журналы выходят ежемесячно, страницы надо заполнять. Вот и идут в печать авторы второго эшелона. Талантливые и не очень, нередко – близкие к руководству Союза писателей, или же – к главным редакторам. Впрочем, здесь это – одно и то же.

Тексты в журналах были серенькими, даже очень. Нет, язык грамотный, и запятые на месте – редакторы в СССР хорошие. А вот содержание... Мелкотемье, искусственные конфликты, примат идеологии. Поэтому здесь так популярна фантастика. Для читателя это – отдушина... Зато литературному начальству фантастика не нравится. В самом деле! Тут уважаемые люди пишут идеологически выдержанные книги, а какие-то Ефремов со Стругацкими печатают «Час Быка» и «Трудно быть богом». Как это согласуется с линией партии? Фантасты в СССР – изгои. Их терпят и издают, но всерьез не принимают. Так что с этого жанра начинать не будем. Реализм и только реализм! Но не такой, как здесь.

В той жизни я увлекался балетом. Не пропускал премьер, был вхож за кулисы, знаком с артистами. Журналист как-никак. Так что театральную жизнь знал хорошо. Даже написал роман «Черный лебедь» – задолго до одноименного фильма. Роман не напечатали. На дворе были 90-е, балет мало кого интересовал. Читатель требовал эльфов и орков с гномами. А вот в этом времени балет в тренде. Гастроли за рубежом, переполненные залы, восторженные рецензии... и сбежавшие за границу артисты. Об этом не пишут. Восполним пробел. Разумеется, текст переработаем. В том варианте в балерину влюбился журналист. Здесь будет рабочий, будущий инженер. Спор о смысле жизни, разность взглядов на мир, разрыв... Остро и идеологически правильно. Цинично? Отнюдь. Классиком мне не стать, а кушать хочется. Поэтому требуется паровоз, который втащит меня в литературу.

Какой журнал выбрать? Разумеется, «Юность». Во-первых, он печатает молодых. Во-вторых – тираж. Два миллиона экземпляров! Заткнитесь, гики, получившие тысячу «лайков» и раздувающие по этому поводу щеки! Такого вам не видать. Два миллиона! А ведь многие номера читают по несколько человек. Библиотечный экземпляр «Юности» затерли до дыр. Выглядит журнал скромно. Неказистая печать, неровный шрифт, но здесь на это не обращают внимание. Единственный минус: «Юность» – журнал тонкий. Роман предлагать стремно. У маститого, конечно, возьмут и напечатают с продолжениями. Но где я и где маститые? Поэтому повесть объемом не более шести авторских листов. Для дебюта самое то...

В дверь стукнули, в проем сунулась вихрастая голова. Лицо незнакомое.

– Кто здесь Семец?

– Я.

– К тебе пришли.

Бух! Ни «здрасьте», ни «до свидания». Вот молодежь! Сообразив, о чем только что подумал, я рассмеялся. Нашелся «старик». В марте мне исполнился двадцать один год. Все не привыкну. Кто, интересно, пришел?

Я встал и переоделся. Встречать гостя в трениках не с руки. Хотя здесь не стесняются. Но мы писатели или кто? Я запер за собой дверь и стал спускаться по лестнице. По пути спохватился. Посыльный прибежал не зря. Система пропуска в общежитие работает так. Возле вахтерши дежурят двое-трое жильцов. Приходит гость и называет фамилию, к кому пришел. Дежурный идет вызывать. Хозяин спускается, сдает свой пропуск, гость тоже оставляет документ. Это гарантия, что гость не «заблудится» и выйдет вовремя. Рационально.

Свой пропуск я забыл в комнате, но возвращаться не стал. Плохая примета. Понадобится – сбегая.

Юзефа свой пост сдала, дежурила Степановна. Старая гримза! У этой мышь не проскочит. Возле стола болтаются двое парней – это дежурные, и стоят три девчонки. Которая из них ко мне?

– Сергей!

Ко мне шагнула стройная девушка. Овальное лицо, точеный носик, карие глаза. Темно-каштановые волосы, стрижка «каре». Хороша, чертовка!.. Мать! Я едва не выругался. Это ж надо было забыть! Передо мной стояла Галя, моя первая жена. Через полгода мы поженимся, через три месяца разбежимся. Вернее, убежит она. Стать женой прапорщика ей покажется перспективнее, чем начинающего писателя. Он то ли пробьется в литературу, то ли нет, а с прапорщиком надежнее. Сытнее. Через четверть века мы встретимся. Я забегу в пригородный магазин и увижу ее за прилавком. Рано постаревшую, с железными зубами во рту. Мы узнаем друг друга. Я замечу ее оценивающий взгляд. Дорогой костюм, модные туфли, швейцарские часы на руке. К магазину я подъехал на «мерседесе». Тот был служебным, но она этого не знала. Я направлялся на переговоры с инвестором, а тот жил за городом. Автомобиль через огромное стекло магазина она явно увидела. С Галей мы обменялись парой фраз. Говорить было не о чем: прошлое сгорело. Я купил, что мне требовалось, и ушел. О встрече скоро забыл. Эта женщина меня более не интересовала.

Здесь я буду страдать. Запью, начну курить. От последней привычки не избавлюсь никогда. Ну, и на фиг мне такое счастье?

– Привет! – выдавил я.

– Говорят, ты попал в больницу, – сказала она, глянув на мой лоб.

А то не знаешь! Галя, как и я, работает в прессовом корпусе. Смена у нее другая, но весть донесли. Такие новости расходятся мгновенно. Однако в больницу она не пришла. Мастер прибежал, а возлюбленная не поспешила. И сегодня выбралась к вечеру. Наверное, гладила, стирала, наводила красоту. А Сергей? Он никуда не денется...

– Как ты себя чувствуешь?

Вопрос дежурный. Мое самочувствие ее волнует, как зайца интернет. И как я этого раньше не замечал?

– Спасибо, хорошо.

– Погуляем?

В глазах Гали читается предвкушение. Сейчас тип с пластырем на лбу обрадуется и побежит за кошельком. Отведет ее в кино, купит мороженое... Вечер нужно провести с пользой. Счас! Только шнурки поглажу.

– Извини, занят.

Вахтер и дежурные насторожили уши. Скандальчик. Отказали самой красивой девушке общежития. Теперь будут перетирать.

– И чем же? – язвительно спрашивает Галя. Лицо насупленное, глаза злые. Не привыкла к такому. А придется...

– Лечусь. Всего доброго.

Разворот – и к лестнице. Отношения нужно рвать, как бинт с раны – резко и без жалости. Тогда не так больно. Гале это только на пользу. Возможно, найдет себе лейтенанта, а не прапорщика. Тот, как мне рассказывали, ее бил...

* * *

В воскресенье я дисциплинированно вернулся в больницу, а в понедельник меня выписали – состояние больного не вызывало у врачей тревоги. Еще неделя амбулаторного лечения, и я вернулся в прессовый корпус. Там написал объяснительную, изложив в ней самим же придуманную легенду. Мастер ходил довольный – от него отстали. На щитке шлифовального станка нашлась вмятина (интересно, чем делали?), так что версия прокатилась. Виновным назначили пуансон. Проверка показала, что тот перекален. В термическом цехе кому-то объявили выговор. И поделом – не фиг халтурить. Парни с участка мне подмигивали и пожимали руку. Мама у нас любят – хороший мужик. Что зря наказывать?

Дни потянулись скучные. Я работал, приходил в общежитие, ел и снова работал – уже за столом. Засиживался за полночь. Придя со второй смены, вскакивал в семь и садился писать. В 2000-е от такого темпа я бы загнулся. Здесь – хоть бы

хны. Юность – сил полно. Пару раз Коля вытянул меня на футбол, но в последующем я отказывался. Коля поначалу обиделся, но после махнул рукой. Пусть пишет, контуженный!

Сосед у меня хороший. Если не играет в футбол, то оттирается в женском корпусе. Коля – завидный жених. Высокий, стройный, красивый. В институте учится... Девчата вьются возле него, как мошкara. Стоит Коле прийти со смены, как его утаскивают в женский корпус. Там кормят, поят, ну, и ласкают, наверное. Подробностей не знаю – Коля не делится. Только улыбается, как кот, съевший сметану...

Ночевать Коля приходит домой. Здесь с этим строго. Ночь в женском корпусе грозит неприятностями. Случай зафиксируют, после чего потребуют жениться. Откажешься – пойдут жаловаться в профком, в комитет комсомола. Дескать, поматросил и бросил. Уволить не уволят, конечно, но из института выпрут. Распутным не место среди строителей коммунизма. Моральный Кодекс, ёпть!

Девчонки не оставляют попыток уложить Колю в постель, поэтому, зазвав в гости, поят вусмерть. Не раз, выйдя в коридор, я заставал соседа в живописном состоянии. Цепляясь за стенку, он полз к комнате. Увидев меня, махал рукой и улыбался. Дескать, все нормально, корабль держит курс в гавань. А то, что говорить не может – ерунда. Я подхватывал обмякшее тело, буксировал к койке, где укладывал и раздевал. Сам Коля сделать это был уже не в состоянии. Страшная вещь – женская любовь!

В свое время я тоже посещал женский корпус. В этот раз завязал – некогда. Ко мне тоже не ходили. Как поведал Коля, девушки опасались. Если уж завернул первую красавицу... Мне это было на руку. Взрыв гормонов хорошо гасит физкультура. В той жизни, вернувшись из армии, я забросил спорт. А вот выпить и поесть любил. К тридцати годам обзавелся брюшком, которое с годами росло. К пятидесяти сел на таблетки. Гипертония, холецистит, гастрит, артроз... Не собираюсь этого повторять.

Через дорогу от общежития тянется заброшенный яблоневый сад. За ним плещется Чижовское водохранилище. Отличное место для занятий! Пробежка, затем силовые упражнения. В саду кто-то соорудил турник – дай Бог ему здоровья! Подтягивания, выходы силой, подъемы переворотом... Приятная усталость и мышечная радость назавтра. По лестнице на свой этаж я поднимаюсь, прыгая через ступеньку. Хорошо быть молодым и здоровым!

К сентябрю повесть была закончена. Справился бы и быстрее, но писать от руки... Жуть! Я перечитал текст, внес необходимые правки – все. Осталось перепечатать. В редакциях принимают только машинописные тексты – никто не станет разбирать твои каракули. Не проблема. Машинисток на заводе полно, и все рады подзаработать. В той жизни я отдавал им курсовые работы и помнил тариф: 20 копеек за страницу. Деньги у меня имелись. Монашеская жизнь позволила кое-что скопить. К тому же Госстрах заплатил за травму. Врач в больнице не обманул – справку составил хорошую. Мне выплатили 200 рублей – живем!

Предложение отпраздновать завершение работы Коля воспринял с энтузиазмом. На календаре – суббота, самое время отдохнуть. Мы сбегали в магазин и в обед вдумчиво, со вкусом посидели. К вечеру добавили и отправились на дискотеку. По субботам ее устраивают в общежитской столовой. Колонки, проигрыватель, магнитофон... Технику приобрел завод, диск жокеи работают бесплатно – из любви к искусству. С посетителей денег не берут. Коммунизм...

Мы с Колей ввалились в столовую, когда веселье было в разгаре. Гремела музыка, народ прыгал. К соседу тут же подлетели девчонки и утащили танцевать. Меня не тронули. Я отошел в сторону. Осмотрюсь. Народ самозабвенно плясал, хотя некоторые, как и я, подпирали стены. Чего, спрашивается, пришли? Ладно, я – забывший, как веселятся в этом времени, а вы? Музыка стихла, и ко мне подлетел Коля. Лицо его покрывали капли пота – плясал от души.

– Чего стоишь? – спросил, блеснув зубами.

– Отвык танцевать, – признался я.

– Счас вспомнишь! – ухмыльнулся он.

Словно подтверждая его слова, колонки прогремели:

– Белый танец! Дамы приглашают кавалеров!

Я не успел сообразить, как к Коле подлетела девушка и утащила его в центр зала. Ну, и пусть. Я уже собирался прислониться к стене, как вдруг сбоку

прозвучало:

– Можно вас пригласить?

Я присмотрелся. В столовой царил полумрак, но кое-что разглядеть удалось. Девушка, совсем молоденькая. Невысокая, мне до бровей. Не красавица. Лицо прыщеватое, хотя черты правильные. Волосы светлые. Где-то я ее видел... Черт, что делать? Столько лет не танцевал. Но и девчонку обижать не хочется: смотрит испуганно.

– Буду рад!

Она заулыбалась: видимо, опасалась, что откажу. Даже парню такое неприятно, а уж девушке... Мы вышли к танцующим. Она положила мне руку на плечо, правой взяла мою левую. Я осторожно положил ладонь ей на талию. И что теперь?

– Вас как зовут?

– Лиля.

– Хорошее имя! – одобрил я. – А я – Сергей.

– Знаю, – сказала она. – Мы в одном корпусе работаем.

То-то лицо показалось знакомым...

– Я совсем разучился танцевать, Лиля!

– Ничего! – она встряхнула головой. – Я поведу.

Некоторое время мы медленно топтались под музыку. Скоро я освоился и перехватил управление. Лиля улыбнулась. Я почувствовал себя настолько уверенно, что стал смотреть по сторонам. Среди танцующих заметил Галю. Она кружилась с каким-то высоким парнем. Поймав мой взгляд, торжествующе улыбнулась и прижалась к партнеру. Дескать, вот тебе! Нашлись кавалеры и получше... Я только плечами пожал – пусть радуется!

Лиля смотрела на меня снизу вверх, и я сообразил, что веду себя по-свински. Если танцуешь с девушкой, не фиг разглядывать других.

– Вы кем работаете? – спросил, дабы отвлечь.

– В приемной начальника корпуса. Машинистка.

Оп-па! Это меня удачно пригласили. На ловца и зверь бежит.

– У меня к вам деловое предложение. Нужно отпечатать один текст. За деньги, конечно.

– Курсовая работа?

– Повесть.

– Вы – писатель?

В серых глазах плеснулось изумление.

– Начинающий, – буркнул я, и тут музыка кончилась. Я отвел партнершу в сторонку. – Возьметесь? Сколько берете за страницу?

– Не знаю, – сказала она. – Никогда не печатала прозу. Нужно увидеть, разборчив ли почерк.

– Хорошо, – согласился я. – Сделаем так. Я дам вам рукопись, вы посмотрите и определитесь. Если договоримся, ударим по рукам. Идет?

– Да, – кивнула она. – Пойдем!

– Куда? – удивился я.

– За рукописью. Она ведь здесь? Или вы хотите танцевать?

«Хм-м! – подумал я. – Деловая девочка. Но, в принципе, она права. Сдались нам эти пляски!»

– Идем! – кивнул я.

На вахте дежурила Юзефа. Она встретила нас подозрительным взглядом.

– Пропуск!

– Юзефа Ивановна! – прижал я руки к груди. – Не брал. Мы на пару минут. Человеку надо папку отдать, – я указал на Лилю. – Честное слово! Если не выйдем спустя полчаса – можете расстрелять. Десять раз подряд.

Дежурные у стола заржали.

– Иди уж! – вздохнула Юзефа. – Шут. И можете не спешить. Но чтоб к одиннадцати – как штык! Лично проверю.

Я поблагодарил и повел гостью к лифту. Подниматься по лестнице было лень. Да и девочке, наверное, тяжело. Только поворачивая ключ в замке, я вспомнил, что мы с Колей ушли на танцы, оставив стол неприбранным. Черт! На мнение этой пигалицы мне плевать, но неудобно.

– Лилия, – сказал я. – Вы не пугайтесь. Мы тут с Колей отмечали завершение моей работы. Гостей не ждали, так что в комнате беспорядок.

– Ничего! – улыбнулась она. – Вы ведь парни.

«Ну, да! – пришло осознание. – Это девушкам стыдно за бардак в комнате. Парням разрешается».

Я пропустил ее вперед и щелкнул выключателем. Усадив гостью на койку, я сунул ей папку с рукописью и стал прибирать со стола. Краем глаза видел, что она увлеклась чтением. Так. Пустые бутылки – в шкаф. Грязные тарелки – туда же. После помою. Наконец, следы пиршества исчезли, и я с облегчением опустил на стул. Лилия пробежала глазами текст, складывая прочитанные страницы справа от себя.

– Разборчиво? – спросил я.

– Нормально, – кивнула она. – Бывает хуже. Хочу спросить. Печатаю курсовые, я исправляю ошибки, в том числе стилистические. Здесь можно?

Я задумался. С одной стороны – неплохо, если текст выправят. С другой – неизвестно, что сочтут ошибками. Переделает на канцелярит...

– Давайте так. Вы берете рукопись и карандашом делаете правки. После чего мы сядем и пройдемся по тексту. Как согласуем, начнем печатать. Договорились?

Она закивала. Мне показалось, что обрадованно. Это с чего? Хотя... Заплачу-то я ей не менее двадцати рублей. С ее зарплатой – сумма.

– Тогда пошли. А то меня расстреляют.

Она засмеялась и стала собирать листки. После чего, прижав папку к груди, встала. Мы вышли, спустились к вахте, где и распрощались.

– Вот, – сказал я Юзефе, бросив взгляд на часы. – Как и обещал. Полчаса не прошло.

– Мог и не спешить, – хмыкнула она. – Я не торопила. Между прочим, девочка очень хорошая. Порядочная – не то, что некоторые...

Я не стал уточнять, кого Юзефа имеет в виду под «некоторыми» – и без того ясно. В общежитии об обитателях знают все. В свое время меня предупреждали насчет Гали. Только я пер к свадьбе, как лось на гоне. Ну, и огреб...

На танцы идти желания не было, и я отправился к себе. Сейчас – в душ и спать. Хочется отдохнуть. Вымотала меня эта повесть. Трудно шла. Зато получилось. Я это знал.

С малых лет Лиля усвоила: чтобы в жизни чего-то достичь, нужно много работать. Так трудились ее родители – в колхозе и дома. Колхоз выращивал сахарную свеклу. Ее сдавали на завод, где перерабатывали в желтоватый, сладкий песок. Мешки с ним привозили в дом осенью: колхоз помимо зарплаты поощрял работников натурой. Так что можно было зачерпнуть из мешка горсточкой и отправить в рот лакомство, медленно рассосать, а потом облизать пальчики...

Двор их дома был полон живностью: корова, поросята, куры... Время от времени появлялись индюки и гуси: родители то заводили их, то отказывались, то снова заводили. Их всех надо было обиходить и накормить. А еще огород и «сотки» с картошкой... Зато и жили они сытно. В доме Девойно всегда были сало, масло, яйца и картошка. Молоко пили все, включая кота. На Рождество и в другие праздники родители накрывали большой стол, который ломился от еды. Приходила многочисленная родня, соседи, все пили и ели, но все равно оставалось так много, что наготовленное доедали несколько дней.

Как все деревенские девочки, Лиля рано приобщилась к труду. Пасла гусей, кормила поросят, давала поило корове и рано научилась ее доить. Подростком ходила «на бураки». Свеклу на колхозных полях сеяла и убирала техника, а вот пололи вручную. Дело тяжелое, муторное, но за него хорошо платили.

Работа не мешала учиться. Школу Лиля окончила на пятерки. До золотой медали не дотянула совсем чуток. Получив аттестат и отгуляв выпускной, Лиля поехала в Минск – поступать. Выбрала филфак университета. Она любила книги и обожала читать. Родители не возражали. Дочь станет педагогом – хорошо. В деревне учитель – уважаемый человек.

На дневное отделение Лилия не прошла – не хватило балла. Конкурс оказался большим. А вот на заочное ее взяли. Домой возвращаться Лиля не захотела – город манил. Устроилась прессовщицей на тракторный завод – там принимали всех. Поселилась в общежитии и стала привыкать к столичной жизни.

Платили ей хорошо, но работа не нравилась: грязная, шумная. В прессовом корпусе стоял неумолчный грохот. Здесь рубили, гнули металл. Работникам выдавали беруши – без них можно было утратить слух. Лиля подавала в штамп металлическую полосу и нажимала педаль. Ползун пресса прижимал верхнюю плиту штампа, пуансон вырубал деталь, и та по желобу скользила в короб. Когда

короб наполнялся, приезжал электрокар и увозил его на склад. Взамен доставлял пустой. И так изо дня в день.

Когда монотонный ритм становился неумолим, Лиля говорила себе: «Сейчас я сделаю очень красивую деталь. Такой у меня еще не было». Это помогало. Еще она искала возможность сменить работу. Будучи приметливой, обратила внимание на машинисток, сидевших как в кабинетах заводоуправления, так и в приемной начальника их корпуса. Лилия записалась на курсы машинописи и успешно их окончила. И надо же было случиться – уволилась секретарь их корпуса. Она вышла замуж за офицера и отбыла к месту его службы. Лилия, захватив удостоверение об окончании курсов, отправилась к начальнику. Тот сидел в кабинете и листал бумаги.

– Чего тебе? – спросил хмуро.

– У вас освободилось место, а я – вот! – Лилия протянула удостоверение.

Начальник пробежал его глазами и хмыкнул.

– Держи! – он протянул ей пару рукописных листков. – Машинка в приемной, бумага и копирка – в столе. Там же найдешь образцы. Отпечатай в двух экземплярах. Посмотрим, какой из тебя секретарь!

Через десять минут Лилия вошла в кабинет и протянула листки.

– Уже? – удивился начальник и взял их. Пробежав глазами, покачал головой: – Надо же! Ни единой ошибки. У твоей предшественницы хватало. Ладно, беру. Только учти: оклад – девяносто рублей. Еще премия, но все равно меньше, чем у прессовщицы. Жалеть не будешь?

– Нет, – ответила Лилия.

Она знала, что говорит. Студентов-заочников на тракторном работало много. Они писали курсовые и дипломные. В институтах нередко требовали подавать их в печатном виде. К машинисткам стояли очереди. 20 копеек за страницу – не много. Но если страниц набирается 100–200 в месяц? Лилия не бедствовала. Денег хватало даже на подарки родным.

С общежитием ей повезло. У Маши Кутырло из заводского КБ вышла замуж соседка. Освободилась койка. В общежитии Маша жила давно и всех здесь знала. Она попросила коменданта подобрать ей хорошую девочку. Работящую, умную и, желательно, – заочницу. Лиля этим критериям вполне соответствовала. Так она поселилась в однокомнатном блоке на втором этаже.

С Машей они ладили. Соседке по комнате было под тридцать. Старуха, что скажешь? Костлявая и некрасивая, Маша не привлекала взоры мужчин. К тому же имела острый язык. Кто такую возьмет? Маша ходила в походы и филармонию, но умный и интеллигентный жених все не попадался. Маша ждала, пока подойдет ее очередь на квартиру. «Тогда заживу!» – говорила она, и Лиля догадывалась, почему. Невесты с квартирами в Минске были наперечет.

Лилю соседка взяла под крыло. Первым делом просветила насчет парней. Учила не верить их обещаниям. Со слов Маши, каждый из них только и ждал, чтобы воспользоваться неопытностью девушки. Лиля кивала, но не верила. Парни в общежитии жили хорошие. Многих она знала – печатала им курсовые. Однако ею они не интересовались. Приносили работы, забирали готовые, платили – и все. Лиля осознавала, что она не красавица, но ведь – и не урод? Фигура у нее нормальная, разве что рост маленький. Может, поэтому не замечают?

...В первый раз Лиля увидела Сергея в прошлом году. Он заглянул в корпус после «дембеля». Пришел в форме, весь в значках и медалях. Был обеденный перерыв, девчата сбегались поглядеть. Многие знали Сергея до призыва – он работал в корпусе. Сергей смеялся, шутил и давал потрогать медаль. А вот за что наградили, не сказал. Говорил: «Военная тайна!» и загадочно улыбался. На Лилю он внимания не обратил – возможно, даже не заметил.

Потом он вышел на работу. Пробегая мимо его участка, Лиля видела Сергея у верстака или у шлифовального станка. Он работал, не обращая на нее внимания. Лиле сказали, что Сергей крутит любовь с Галькой. «Блядь!» – говорила про нее Маша, и в этой характеристике был резон. Галька пользовалась в общежитии определенной репутацией. «Мог бы и порядочную найти!» – осуждала Лиля. Порядочная в корпусе имелась, только Сергей ее не замечал.

Потом с ним случилось беда. Узнав, Лиля едва сдержалась, чтобы не полететь в больницу. Сходила б, конечно, не утерпела, но мастер Мамай принес известие, что Сергей поправился. Она и сама увидела его в субботу. Несмотря на забинтованную голову, выглядел он бодро.

Назавтра общежитие облетел слух: Сергей дал Гальке отставку. Эту новость перетирали в комнатах. Девчонки гадали: с чего? Сошлись во мнении: узнал, с кем водится. Кто-то просветил – в общежитии с этим просто. Лиля обрадовалась, но ненадолго. Порвав с Галькой, Сергей исчез. То есть не появлялся на дискотеках, перестал играть в футбол. Днями сидел в своей комнате – переживал, как поняла Лиля. Еще он ходил на работу и бегал в саду. Там Лиля его и видела. Сад – место общественное, всякий может гулять. Только он опять не обратил на нее внимания.

Наконец, Сергей явился на дискотеку, и Лиля обрадовалась. Похоже, с переживаниями он справился. Выглядел Сергей довольным. Она набралась храбрости и пригласила его на танец. Он не отказал, хотя и сказал поначалу, что разучился. Скромничал, конечно. В танце он вел ее уверенно. Они поговорили. От Сергея пахло спиртным, но Лиле это не смутило. Многие парни являлись на дискотеку с запахом. На ногах стоит твердо, говорит четко – чего же еще?

И тут выяснилось, что в последние месяцы он отнюдь не переживал разрыв с Галькой. Писал повесть. У Лили от этой новости перехватило дыхание. Он – писатель! Когда Сергей предложил напечатать рукопись, Лиля немедленно ухватилась. Такой повод сойтись ближе!

Она не обратила внимания на беспорядок в его комнате – у парней это обычное дело, и вцепилась в текст. Прочитав пару страниц, поняла: хорошо! Поэтому и заторопилась к себе, хотя планировала задержаться. Ей хотелось остаться с рукописью наедине. А с Сергеем они встретятся – он же пообещал.

Читала она допоздна. Маша стала ворчать, Лиля выключила верхний свет и пересела к столу с лампой. И лишь закончив, легла. Сон не шел. «Невероятно! – думала Лиля. – Неужели это он написал?»

В многотиражке завода время от времени публиковали стихи и рассказы начинающих авторов. При редакции работало литературное объединение. Лиля читала эти выпуски. Стихи и проза были слабыми. Лиля относилась к этому с пониманием – начинающие. Сергей сказал, что и он такой. Но из рукописи этого никак не следовало. Текст писала уверенная рука. «Неужели он у кого-то заимствовал?» – мелькнула мысль. Подумав, Лиля отвергла ее. Во-первых, рукопись несла следы работы. Много правок, нередко вычеркнуты целые куски. Новые вписаны на обороте страницы. Так не заимствуют. Кроме того, Лиля не

представляла, у кого он мог списать. Повесть даже в малой степени не походила на знакомую ей литературу. Лиля в этом разбиралась – читала много. Студентка филфака как-никак. История о любви балерины и рабочего навевала грусть. В то же время по прочтении оставалось светлое чувство. «Как это ему удалось? – размышляла Лиля. – Откуда он знает балет? И ведь видно, что разбирается. Неужели он любил балерину? – Лиля почувствовала укол ревности. – А как же Галя?...»

Ответов на эти вопросы Лиля не находила. Она долго ворочалась, но все же уснула. Назавтра перечитала повесть. В этот раз заметила в тексте шероховатости, и это успокоило ее. Сергей явно писал сам. Значит, он талант. Самородок, как Максим Богданович[7 - Поэт, классик белорусской литературы. Дебютировал в 16 лет, а всего прожил 25.]. Помогать такому – счастье. Она не пожалеет сил...

Всю оставшуюся неделю Лиля работала. С ошибками она справилась быстро – это не составляло труда. А вот редактирование... Основные словари у нее были – будущему филологу без них никак. Лиля взяла в библиотеке еще. Словари синонимов, антонимов, эпитетов... Она просеивала текст, как золотоискатель песок, пробуя слова на вкус и запах. И радовалась, когда находила замену. К пятнице она справилась. О чем и сказала Сергею, заглянув к нему на участок.

– Приходи вечером, – сказал он. – Часам к шести. Попьем чаю, посмотрим текст...

– Буду! – ответила Лиля, мысленно обрадовавшись этому «приходи». Он перешел с ней на «ты»!

Ровно в восемнадцать она подошла к вахте с папкой в руках. Сергей ее ждал. Они оставили пропуска и прошли к лифту. Подошла кабина, открылась дверь, и Лиля шагнула внутрь. Не подозревая в тот миг, что выбрала судьбу...

* * *

После того, как мы закончили с рукописью, я некоторое время сидел, охренев. То, что эта пигалица сотворила с моей рукописью, не поддавалось определению. Есть люди с абсолютным музыкальным слухом. Один на десять тысяч населения. Но есть и обладатели абсолютного литературного слуха. Как музыкант

безошибочно определяет ноту, так и они чувствуют слово в каждом его оттенке. В том времени я знал такого человека. Одного за всю жизнь...

Второй – вернее, вторая сейчас сидела напротив и тревожно поглядывала на меня. Девочка явно не понимала, что сделала. Она не просто выбросила из текста наиболее расхожие и затертые слова, но и нашла им точную и единственно верную замену. Поясню. Написать «изящная фигурка» применительно к балерине правильно, но банально. А вот заменить на «воздушная» – это уже создать образ. Балерина, она же пачке – легкой и невесомой. «Летит, как пух от уст Эола...» Такого «пуха» в правках было много, и он кардинально менял текст, превращая его из просто грамотного в художественный. В том времени я слышал о редакторах, которые делали из посредственных писателей великих. Слышать-то слышал, но не встречал – до сегодняшнего дня.

«Черт! – сказал я себе. – Черт! И что мне стоило в том времени найти эту девочку? Жили в одном общежитии, работали в одном корпусе... Мог ведь обратить внимание, заинтересоваться. Нет, выбрал Галю. Идиот! А ведь я Лиле нравлюсь – по лицу видно. Даже дыхание затаила».

– Лилия! – сказал я торжественно. – Ты – чудо! Самая лучшая из всех!

Она залилась краской.

– После того, что ты сделала с моей повестью, я не могу отпустить тебя просто так. Подожди меня. Я скоро!

Схватив кошелек и холщовую сумку, я выбежал из комнаты. Вниз по лестнице неся, перепрыгивая через ступеньки – чуть ноги не сломал. До магазина добежал вмиг. Так... Вино. Выбор небольшой, но марочное есть. Возьмем «Фетяску», оно легкое. С молдавского переводится как «девичье». Колбаска... Надо же, повезло: «Тминная» и «Докторская» в наличии. В пятницу вечером? Хотя... Сентябрь, народ в деревни копать картошку рванул. Национальная забава белорусов, даже в моем времени сохранилась. Коля тоже уехал, что весьма кстати. Из-за этого колбаску и не разобрали. Берем! Сладкое... Тортов нет, а вот конфеты имеются. Не «грильяж», но хорошие, шоколадные. Значит, килограмм...

Затарившись, я заглянул в аптеку. В окошке скучала девушка.

– Презервативы есть?

– Вам какие? – оживилась она. – Наши или импортные?

– Что, импортные есть? – изумился я.

– Индийские, вчера завезли. Но стоят четыре копейки за штуку. Наши – две.

– Пятьдесят штук импортных!

– Не более двадцати в руки, – покачала она головой.

– Эх, девушка! – выдохнул я. – Вы мне испортили такую ночь!

Она приснула. Этот анекдот здесь пока не знают.

– Ладно, – сказала она, понизив голос. – Дам сорок. Выбейте два чека по 80 копеек.

Я смотался к кассе и вернулся с чеками. Мне протянули завернутый в бумагу товар.

– Спасибо! – сказал я, беря сверток. – Вы спасли мне жизнь.

Она улыбнулась и глянула заинтересованно. Симпатичная девушка. И профессия хорошая: провизор. В другое время я бы не устоял... Нет, нет, нельзя. В комнате меня ждет чудо, которое нельзя упустить ни при каких обстоятельствах. И я ее обаяю и соблазню. Я старый повеса, мне это – как два пальца об асфальт.

Цинично? Разумеется. Но я журналист. В этой профессии без цинизма не выживешь. Жаль Лилю? Это с чего? Что ее ждет? Муж-инженер – это в лучшем случае, скитание по квартирам. Своей будет ждать годами, затем копить деньги на мебель... Люди здесь небогатые. Покупка «стенки» – событие. Далее – дети, вечная нехватка денег, в конце жизни – нищенская пенсия...

Я дам ей обеспеченную и интересную жизнь. Она будет отдыхать на лучших курортах страны. В 80-е я ездил с семьей в Пицунду в писательский пансионат. Пили местное, удивительно вкусное вино, ели шашлыки и лобио. На пляже хватало горячие хачапури, запивали их ледяным пивом. Побывали на озере Рица и в Сухуми. Предположить не могли, что совсем скоро здесь развернется кровопролитная война...

Как женитьба отразится на моей цели? Существенно. Я не планировал обзаводиться семьей. Но по-другому нельзя. Здесь не приняты «гражданские» браки. Или женись, или не пудри девчонке мозги. Выбора нет. Я хочу, чтоб эта девочка правила мои рукописи. Чтобы язык их звенел и переливался, как вода в роднике летним днем. И чтоб он был сладок на вкус... Решено!

За столиком у входа в корпус сидела Юзефа. Ага, вахта сменилась. И вокруг никого, что просто замечательно. Я подошел и высыпал перед Юзефой горсть конфет.

– Угощайтесь!

– Это с чего? – подозрительно покосилась она.

– Вы добрый и хороший человек.

– L?ge[8 - Ложь (нем.)]! Колись! Что нужно?

Вот ведь чекистка! Раскусила...

– У меня гостя. Могу забрать пропуска?

Юзефа выдвинула ящик, взяла наши книжечки. Раскрыла Лилину и нахмурилась.

– Сергей! Это очень хорошая девочка. Ее нельзя обижать!

– Пусть только кто попробует! – мрачно сказал я. – Лично убью! С особой жестокостью.

– Ну, если так... – она протянула мне документы и смахнула конфеты в ящик. –
Смотри, проверю!

Я кивнул и сунул пропуска в карман. Получилось!

* * *

Пробуждение вышло ужасным. Открыв глаза, Лиля мгновенно вспомнила, где она, а также то, что произошло ночью. Волна стыда затопила ее, и она едва удержалась, чтобы не застонать.

А ведь поначалу было так хорошо! Сергей вернулся быстро, она соскучиться не успела. В четыре руки они занялись приготовлением ужина. Сергей попросил ее нашинковать капусту и огурцы. Мелко-мелко. Лиля удивилась такому заданию, но сделала. Он похвалил.

– У тебя ножи хорошие, – сказала Лиля, – острые. Не то, что у нас с Машей.

Он хмыкнул, сходил к шкафу и принес ворох новеньких ножей.

– Выбирай! – сказал, ссыпав их на стол. – Какие глянутся.

– Откуда столько? – удивилась Лиля.

– Сам делал. У нас работа повременная, не всегда есть, чем заняться, вот и развлекаюсь.

Ножи Лиле понравились. Острые, блестящие – смотреться можно. Рукояти красивые и удобные.

– Можно, я у тебя для родителей куплю? Сколько?

– По копейке за нож, – улыбнулся он. – Дарить нельзя – дурная примета, так что копеечка.

Лиля пересмотрела ножи и отобрала пять штук. Себе с Машей – два, в деревню – три. Маленькие – чистить картошку, средние – резать колбасу, большие – хлеб. Достала из кошелька и выложила на стол пяточок. Он смахнул его в карман. Пока Лиля выбирала, Сергей помял рукой нашинкованную ею капусту, добавил огурцы, соль и подсолнечное масло. Перемешал и, зачерпнув ложкой, протянул Лиле.

– Пробуй!

Лиля пожевала и удивилась:

– Вкусно! И ведь из ничего.

– Здесь главное – мелко нарезать и помять, – сказал он. – Капуста отдаст сок и станет мягче. Огурцы придадут салату свежий оттенок.

«Надо же! – удивилась Лиля. – Не знала».

Затем они занялись колбасой. Сергей взял «Докторскую» и нарезал ее тонкими-тонкими, прямо воздушными ломтиками.

– Так вкуснее, – сказал, уловив ее взгляд. Взяв сковороду и продукты, он отправился на кухню. Вернулся со скворчащей глазуньей. Они сели за стол. Пили вино, заедали его необычным салатом и горячей яичницей. Сергей приготовил ее по-своему. Бросил на сковороду мелко нарезанную «тминную», забил яйцами и поджарил. Желтки остались сырыми. Они растекались по тарелке и перемешивались с маслом. Лиля собирала их кусочком хлеба, получалось вкусно. Затем были чай и конфеты. Они разговорились. Сергей шутил и рассказывал анекдоты. Он знал их множество. Лиля смеялась, как никогда в жизни. В ответ она рассказывала ему о родителях, братьях, деревне. Он слушал и светлел лицом. Лиля не понимала, почему. Семья у нее самая обыкновенная, деревенская. Она не минчанка с квартирой... Дальше все произошло как бы само собой. Они стали целоваться и неожиданно оказались в койке – голые...

К сокровенному она его не пустила. Уперлась – и все. Настаивать он не решился. Зато принялся гладить в разных местах. В том числе – ТАМ. Лиле стало необыкновенно хорошо. Она стонала, вскрикивала, а затем блаженство затопило ее всю. Очнувшись, она стала гладить его – он показал, как. Теперь стонал и

вскрикивал он. Потом они вытирались полотенцем и вновь ласкали друг друга. Пока не уснули обессиленными.

И вот теперь, вспоминая это, Лиля сгорала от стыда. Что он о ней подумает? В первый раз пришла в гости к парню и сразу – в постель! Трогала его за всякие места, как какая-нибудь б... Чем она лучше Гальки? Все пропало! Он обольет ее презрением и выгонит. Она заслужила.

Не в силах сдержаться, Лиля всхлипнула. Он услышал и завозился. Лиля чувствовала спиной его горячее тело, но не повернулась. Страшилась взглянуть ему в глаза.

Он погладил ее по плечу. Она не отозвалась. Тогда он постучал пальцем ей в лопатку.

– Тук, тук! Можно войти?

Лиля в ответ вздохнула.

– Ну, вот! – сказал он. – Такие они, девушки. Вчера объяснялась в любви, сегодня смотреть не хочет.

От возмущения Лилю аж подбросило.

– Я?! Объяснялась?

Она повернулась к нему.

– Разве нет? – спросил он, и Лиля увидела, что глаза его смеются. – Значит, мне показалось. Впрочем, это неважно. Объяснимся сейчас.

Он погладил ее грудь.

– Ты!.. – Лиля отбросила его руку.

– Зачем ты обижаешь меня? – нахмурился он.

– Я? – изумилась Лиля. – Обижаю?

– Конечно! – сказал он. – Разговариваешь, будто я подлец. Скотина и соблазнитель невинной девушки. А это не так. У меня, между прочим, матримониальные намерения. Короче, – вздохнул он. – Замуж за меня пойдешь?

Лиля от неожиданности опешила.

– Ты это всерьез?

– Нет, шутки шучу! – насупился он. – Зачем ты так?

– Прости! – поторопилась Лиля. – Так неожиданно. Совсем не ухаживал – и вдруг замуж.

– А нужно ухаживать?

– Конечно! – сказала Лиля.

Он задумался.

– Твой отец долго ухаживал за матерью?

– Целый год, – сказала Лиля. – Мама не хотела за него выходить. Так он лежал в снегу под окнами и кричал, что замерзнет. Она и пожалела.

– Да! – почесал он в затылке. – Шекспир отдыхает. Ладно, исправлюсь. Начинаем ухаживать. Но предложение остается в силе. Идет?

Лиля кивнула.

– Тогда встаем и быстро приводим себя в порядок. Времени в обрез. В девять Юзефу сменит Степановна. Увидит тебя выходящей из мужского корпуса и развоняется. В десять встречаемся внизу. У нас выходной, и нужно провести его так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Успеешь?

– Да! – сказала Лиля...

На вахте ее тормознула Юзефа:

– Погоди!

Лилия встала и повернулась.

– Не обижал тебя?

– Пусть бы только попробовал! – задрала нос Лилия.

– Ну, ну! – сказала Юзефа. – Знаешь, что он сирота?

– Нет, – растерялась Лилия.

– Мать умерла, когда он служил в армии. А отца не было: у него в метрике прочерк[9 - Метрика - свидетельство о рождении. В 50-е годы в СССР в случае отсутствия у ребенка официального отца в соответствующей графе ставили прочерк.]. И еще он спас человека в армии. Не говорил?

Лилия покрутила головой.

– Были учения, солдаты бросали боевые гранаты. Сергей, как командир отделения, присматривал. Один из молодых от страха уронил гранату прямо под ноги. Сергей отбросил ее сапогом, затем сбил молодого с ног и закрыл его своим телом. Граната взорвалась, и его покарябало осколками. К счастью, не сильно.

– Откуда вы знаете? – удивилась Лилия.

– Когда человека хотят наградить, пишут представление в двух экземплярах. Командир части заверяет их своей подписью и ставит печать. После вручения награды второй экземпляр отдают герою. Сергей мне его показывал.

Юзефа помолчала.

– Знаешь, девочка, я войну прошла. Но даже там не каждый закрыл бы человека собой. Сергей даже не задумался. Он хороший и правильный парень. Будь с ним поласковой.

– Буду! – пообещала Лиля.

5

Нет, я идиот. Конченный. Нашел способ привязать девчонку к себе! Казанова советского разлива, ёпть! Маразматик... Забыл, какие здесь отношения с девушками. Это в будущем половую распущенность введут в норму. Будут учить этому детей, выдавая за сексуальное просвещение. Здесь девственность хранят до свадьбы. Секс ранее – ни боже мой! Если жених сомневается в непорочности невесты, ему принесут справку. В поликлиниках их выдают на раз. Если, конечно, девственность присутствует. В противном случае – извините. Купить справку нельзя: врач не подпишется. Чревато. Жених обидится и станет писать жалобы. Придет ведомственная проверка, а за нею – ОБХСС[10 - В СССР – отдел борьбы с хищениями социалистической собственности. В его юрисдикцию входила борьба со взяточниками.]. Десятому закажешь...

В этом времени фата на невесте символизирует невинность. Жених снимает ее на свадьбе. Обычай настолько укоренившийся, что нарушать боязно. Галя в той жизни побоялась. Прицепила к прическе белый веночек – дескать, понимай, как хочешь. То ли символ невинности, то ли украшение.

Разумеется, секс в СССР есть, в том числе добрачный. И Галя такая в общежитии не одна. Но, во-первых, это не слишком распространено. Во-вторых, негде. В общежитии неудобно, а квартир на сутки здесь не сдают. В гостиницу с минской пропиской не селят, к тому же потребуют свидетельство о браке. Да и нравы другие. В той жизни у меня имелись приятели-«ходоки». Они окучивали замужних женщин, разведенки и девицы определенного сорта. Девственниц не трогали. Если кто нарушал этот принцип, с ним брезговали дружить. Скотина – ломает девушкам жизнь...[11 - Автором это не выдуманно – так и было.]

Повезло, что Лиля уперлась, а я вовремя сообразил. И без того утром девчонка устроила мне истерику. Едва уболтал. Могла плюнуть и уйти. Бегай потом за

ней, оправдывайся. Нет, мы теперь – как пионеры...

Так что к десяти часам я стоял в холле, отглаженный и принаряженный. Прикид – самый писк, куплен по возвращении из армии. Мама, пока я служил, собрала мне денег. На мне была голубая рубашка с узором в индийский огурец, индийские же джинсы, замшевые туфли. Как там в «Калине красной»? «Интеллигенты в замшевых туфлях обычно помалкивают»? В карманах кошелек и холщовая сумочка. Без последней никак. Это в моем времени в каждом магазине дают пластиковые пакеты. Здесь этого нет. Придешь без сумки – понесешь продукты в руках.

Девочки на вахте поглядывали на меня с любопытством. Принаряженный парень кого-то ждет. Ясен пень, что девушку. Только вот кого именно?

Лиля опоздала на десять минут. Здесь так принято: девушка должна прийти позже. Десять минут – это по-божески. Могла и полчаса зарядить. Лиля тоже принарядилась. Кремовая блузка, коричневая юбка, на ногах – босоножки. Сентябрь в этом году теплый. В руках она держала сумочку. Увидев меня, улыбнулась.

Я двинулся навстречу.

– Здравствуй, милая!

И чмокнул ее в щеку.

– Сергей! – она толкнула в грудь. – Ты что? Смотрят!

– Пускай! – сказал я. – Я жених или куда?

Она покачала головой.

– Не могу привыкнуть к твоим словам. Их и в повести полно. Где только берешь?

– Здесь! – я постучал пальцем по виску. – В заднице.

Она прыснула. Я взял ее за руку и повел к двери. У порога оглянулся. Дежурные у вахты смотрели нам вслед. Глаза девочек были по блюдцу. Перемоют нам косточки! Пускай! Чистенькими будем.

Автобус привез нас к железнодорожному вокзалу. Старому, а не тому красавцу, что возвели в моем времени. Мы перешли к площади Ленина. Я крутил головой, разглядывая здания. Площадь не сильно изменилась за сорок лет. Нет здания управления метрополитеном (метро в Минске начнут строить только через два года) и торгового комплекса под площадью. Сейчас здесь закатанное в асфальт пространство и сквер. Памятник Ленину у Дома правительства – он сохранится, несмотря на все веяния, здания университета и пединститута, Красный костел, напротив него – горисполком. Последний напоминает лежащий небоскреб. Его архитектор, как говорили, требовал костел снести – дескать, дисгармонирует с его творением. Действительно, дисгармонирует. Но я бы снес исполком...

Подошла «единичка», мы влезли в салон. Я вложил в прорезь компостера купленные в киоске Союзпечати талончики – на себя и Лилю, и, дернув рукоятку, пробил. Талончики здесь разные по цвету и цене. На троллейбус стоят 4 копейки, на автобус – 5. Мы встали на задней площадке и взялись за руки – Лиле это понравилось. Троллейбус медленно катил по проспекту. Я разглядывал здания. Почтамт, кинотеатр «Центральный», здания МВД и КГБ, ГУМ, жилые дома... В моем времени все останется на прежних местах. Проспект дважды переименуют, но перестраивать не станут – архитектурный памятник. На Октябрьской площади глаз порадовал просторный сквер. В моем времени здесь возведут Дворец Республики, копирующий Дворец съездов в Москве. Строить будут десять лет. Лучше б не начинали...

– Ты что крутишь головой? – спросила Лилия.

– Давно не был здесь, – признался я.

– Я – тоже, – вздохнула она. – Месяца два.

«А я – сорок лет».

Троллейбус катил, я разглядывал. Минск нынешний выглядел уютным и домашним. Не было потока машин, суетливости в движениях людей, рекламы на зданиях и перетяжек поперек проспекта. Тротуары асфальтовые, а не из плитки,

как в моем будущем, нет ярких вывесок и витрин магазинов. Сонный, провинциальный город. Но мне он нравится.

Мы вышли у Парка Челюскинцев и двинулись по аллее. Очереди к аттракционам стояли небольшие – рано. К полудню набегут. Мы покатались на «супере», каруселях, электрических автомобильчиках, поели мороженого. Пломбир в вафельном стаканчике оказался необыкновенно вкусным. Я не удержался и съел две порции, Лиле хватило одной. Мы перешли проспект и по бульвару Толбухина дошагали до кинотеатра «Партизан». В моем времени его переименуют в «Дом кино». У касс было пусто – ближайший сеанс начинался через час. Я купил билеты, мы вышли на бульвар и присели на лавочку из деревянных брусьев с чугунными боковинами. Я скосил взгляд. Лиля сидела, подставив лицо солнцу, и улыбалась, закрыв глаза. Мечтает. Солнечные лучи пронизывали пшеничного цвета волосы, высвечивая розовую кожу головы. Моя будущая жена – блондинка, причем натуральная. Волосы здесь красят редко – нечем. В магазинах лежат хна, басма, в парикмахерской могут обесцветить волосы пергидролем. Но последнее дорого и не полезно для прически. Помню это по рассказам первой жены – она жаловалась. Та-ак. А с чего это я взял, что Лиля некрасивая? Фигурка у нее ладная, все выпуклости на месте. Ножки точеные, узкие в лодыжке. Даже странно видеть такие у деревенской девушки. Грудь, правда, небольшая, но это хорошо. Сисястых я никогда не любил. И личико симпатичное. Прыщики его слегка портят, но с началом семейной жизни они исчезнут. Лиля просто не яркая.

Есть такой тип женщин. В обычной жизни они не бросаются в глаза, но стоит обстоятельствам измениться... В нашей редакции работала бухгалтерша Таня. Мышь серая, чмо, мухами засиженное. Лицо тусклое и печальное, как погода в осенний день. Ходила в каких-то балахонах, с вороньим гнездом на голове. И вот как-то возвращаюсь из отпуска, смотрю и не узнаю. Глазки подведены, губки подкрашены, глаза горят. Платье фигурку обтягивает... Что случилось? А всего лишь нашелся мужчина, который ее полюбил...

Лиля почувствовала взгляд и открыла глаза.

– Что смотришь?

– Любуюсь.

– Не ври! – фыркнула она. – Сама знаю, что некрасивая.

И вот что ей сказать? Начнешь уверять – не поверит. Ресницами возмущенно хлопает. Они у нее длинные и пушистые.

– В древней Персии жил великий поэт. В своих стихах он воспевал красоту девушки, которую любил. Стихи были так хороши, что привлекли внимание шаха. Он повелел привести поэта и его избранницу – хотел посмотреть на ее необыкновенную красоту. Но перед правителем предстала обычная девушка. Шах рассердился. «Ты обманул меня! – сказал поэту. – Писал о неземной красоте, а ее нет!» «Ты не прав, шах! – ответил поэт. – Чтобы узреть красоту моей возлюбленной, надо посмотреть на нее моими глазами».

– Ох, Сережа! – Пшеничная головка ложится мне на плечо. – Все так неожиданно. Еще вчера у меня не было парня, а сегодня – уже жених.

– Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож! Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга... – процитировал я.

– Кто это написал? – воскликнула Лиля.

– Михаил Булгаков, роман «Мастер и Маргарита».

– Не читала...

– Книга вышла два года назад, можно поискать в библиотеке. Если не найдешь, то журнал «Москва» за 1966–1967 годы. Он должен быть.

– Прочту! – пообещала Лиля. – Это о любви?

– Вообще-то о приходе Сатаны в Москву 30-х годов.

– Ого!

– Но и о любви тоже. Пожалуй, главным образом о ней.

– Расскажи! – потребовала Лиля.

– Главные герои – писатель, написавший роман о Христе, и замужняя женщина Маргарита. Они встретились и полюбили друг друга. Все было против того, чтоб им быть вместе, но Маргарита не остановилась ни перед чем. Она даже стала ведьмой. (Сдавленное восклицание.) Они обрели друг друга, хотя для этого им пришлось умереть.

Молчит, только взор пылает.

– Считается, что прообразом Маргариты стала Елена Сергеевна Шиловская, третья жена писателя. История их любви – сама по себе роман. К моменту знакомства у обоих были семьи. Оба не дети – за тридцать. Муж Елены Сергеевны был генералом. Двое детей, сытая, обеспеченная жизнь. И тут встреча... Они влюбились друг в друга. Генерал, узнав об увлечении жены, ездил к Булгакову с пистолетом, грозил застрелить. Влюбленные расстались на 15 месяцев. Но потом встретились и поняли, что не могут друг без друга...

Ладонь Лили тербит мою руку. «Что ж ты замолчал, продолжай!»

– Они развелись и поженились. Последовавшие годы стали самыми счастливыми в их жизни. Елена Сергеевна была музой и ангелом-хранителем Булгакова. Она перепечатывала его рукописи, бегала по издательствам и театрам, пристраивая его прозу и пьесы. Получала его гонорары, вела дом, создавала писателю условия для работы. А потом Булгаков попал в опалу. Его перестали печатать, пьесы – ставить в театрах. Его травили. Но она не оставила мужа, была рядом. Он заболел и умер на ее руках. Потом была война, эвакуация, но Елена Сергеевна бережно сохранила литературное наследие мужа. Благодаря ей, роман «Мастер и Маргарита» увидел свет.

– Сережа...

В серых, огромных глазах – слезы. Надо отвлечь.

– Откуда у тебя такое редкое имя? Лилия...

Заулыбалась. Человеку приятно слышать свое имя. Об этом еще Карнеги писал.

– Папа назвал. Ксендз был против, крестить не хотел. Говорил: «Лилия – то квят[12 - Квят – цветок по-польски.]!» Но папа настоял...

Так она еще и католичка! Очень хорошо. Католики умеют воспитывать дочерей. Те вырастают хозяйственными и ценят семью. Повезло мне – ох, как повезло! Девочка из многодетной семьи – значит, не избалована. Деревенская – следовательно, работающая. Да еще католичка. Эта не бросит семью ради подачек итальянских стариков...

– Суровый у тебя отец!

– Ага! – смеется она. – Но ты не бойся: это только с виду. Он добрый. Тебя примет как сына.

– Ну-ну... – подношу ее ладошку к губам, одновременно бросая взгляд на часы. – Идем! Не то опоздаем.

Давали «Афоню». Зал был полон. Не приди мы заранее, билетов не купили бы. Свет погас, фильм начался. Зал то и дело разражался хохотом, Лиля тоже смеялась. Мне было грустно. Разумом человека из другого времени я видел то, чего не замечали здесь: сдвиг ценностей. Формально в СССР сегодня герой – человек труда. Производитель материальных благ и ее защитник. Рабочий, инженер, ученый, офицер... Но на деле – тот, кто распределяет товары и услуги. Начальник, торгаш или тот же сантехник. Данелия, как художник, показал правду, пусть в форме комедии. Не удивительно, что скоро массы захотят перемен. И они их получат. Только вот не обрадуются...

– Понравилось? – спросила Лиля, когда мы вышли из кинотеатра.

– Хороший фильм! – кивнул я. – Жизненный.

Здесь это высшая оценка. Лиля притихла. Мы шли, она задумчиво поглядывала на меня. «Примеряет к нам историю Кати и Афони, – догадался я. – У тех свидание тоже кончилось постелью».

– Откуда ты знаешь балет?

Я мысленно вздохнул. Ожидалось.

– После школы я приехал в Минск. Здесь жил мой сосед по улице – учился в театрально-художественном институте. Старше меня на четыре года, большой любитель балета. Одному на спектакли ему ходить было скучно, брал меня с собой...

Так и было. Только сосед учился в военном училище. А сейчас совру.

– У него завелись знакомства в труппе. Несколько раз мы попадали на посиделки за кулисами. Пили вино, болтали... Вернее, болтали актеры, а я слушал. Писателю нужно уметь слушать. И запоминать.

– Значит, с балериной у тебя ничего не было?

– Они мной не интересовались. Работяга...

– Дуры!

– Точно.

Я посмотрел в сторону. Мы шли мимо кафе.

– Зайдем? Есть хочется.

– Там дорого! – помотала головой Лиля. – Дома поедем. И так сколько денег потратили!

Хозяйственная. Мои деньги бережет...

На вокзале мы съели по беляшу. Толстая тетка доставала их из обитого жестью ящика. Сколько видел таких продавщиц – и ни одной худой. Наверное, работа влияет... Беляши оказались теплыми и жирными. Мы вытерли пальцы о бумагу, в которую их вложили, и пошли к остановке. Не доезжая до общежития, вышли к

гастроному. В этот раз ассортимент был скуден. Ни «Докторской», ни «Тминной», одна «Любительская». Но последнюю я не люблю – она с салом. Чем же мое чудо пшеничное накормить? В молочном отделе продавали сметану на разлив. Расфасованной здесь нет. Приноси баночку, и тебе нальют... Присмотревшись, я увидел рядом с весами прозрачные полиэтиленовые пакеты. Продавщица фасовала в них сыр.

– Можно налить сметаны в пакет? – я указал пальцем.

– Порвется, – ответила продавщица и добавила. – Наверное.

– Возьмите два и вставьте один в другой.

Она пожала плечами и сделала.

– Двести граммов.

Взгляд продавщицы выразил удивление. Ну, да. Тара обойдется в десятую часть стоимости продукта. Здесь это – расточительство.

– И «Российского» триста граммов...

Я выбил чеки, уложил сыр и сметану в сумочку. Добавил пачку пельменей и бутылку марочного «Каберне». Лиля следовала за мной, но в процесс не вмешивалась. Похоже, оценивала жениха.

В общежитии я поручил Лиле строгать салат, а сам отправился на кухню. В своем времени я читал воспоминания об СССР. Авторы дружно хвалили советские продукты. Дескать, натуральные компоненты, вкус – неземной. Так-то оно так, но пельмени здесь – бр-р-р... При варке тесто расходится, начинка вываливается. Есть это неприятно. Так что будем жарить. Но с умом.

Я плеснул масла на чугунную сковороду, раскалил и высыпал в нее пельмени. Они зашипели и вскоре зарумянились. Я перевернул их лопаткой, залил сметаной и уменьшил огонь. Пусть доходят. Забежав в комнату, помог Лиле нарезать сыр и сервировать стол. Расставил тарелки, бокалы для вина. У нас с Колей они есть. К нам ведь девушки в гости ходят.

Я вернулся на кухню. От сковороды шел неземной дух. Готово. Я сглотнул и взялся за ручку. В комнате плюхнул сковороду на подставку, лопаткой разложил угощение по тарелкам. Открыл вино и разлил по бокалам.

– За наше случайное знакомство!

Лиля рассмеялась, мы чокнулись. Молодец девочка, чувство юмора у нее есть. Мы выпили и набросились на еду. Некоторое время в комнате было тихо – оба жевали. Время от времени я подливал в бокалы. Терпкое «Каберне» хорошо оттеняло вкус жаренных в сметане пельменей. Мы и не заметили, как прикончили их все.

– Вкусно! – сказала Лиля, кладя вилку. – Почему у тебя так? Вроде обычные пельмени, а не оторваться.

– Талантливый человек талантлив во всем, – сказал я. – У тебя будет замечательный муж. Цени!

– Хвастун! – сказала она.

– Себя не похвалишь – от других не дождешься, – заметил я.

– Когда мы поженимся?

Правильный вопрос, своевременный.

– Думаю, не сейчас, – сказал я. – Твои родители не поймут. Сочтут нас легкомысленными. Не успели познакомиться – и сразу в ЗАГС.

Она кивнула. Молодец!

– После свадьбы нам придется искать квартиру. Женатых из общежития выселяют. Понадобятся деньги. А мы получаем мало...

Лицо ее погрузтело.

– Так что придется подождать. Месяцев шесть.

– Через полгода у нас будут деньги?

Лицо ее выражало скепсис.

– Вот! – я взял с койки папку с рукописью. – Это стоит полторы тысячи рублей.

– Сколько?!!

– Здесь шесть авторских листов. Примерно. За каждый – 250 рублей. Могут заплатить и по 300.

– Сережа...

– Этого хватит, чтобы оплатить съемную квартиру за пару лет. Дальше – посмотрим. Кстати... – Я развязал тесемки, достал титульную страницу с названием. Фамилии автора пока не значилось. Я взял ручку и вписал над названием «Сергей Девойно». Протянул Лиле. Лицо ее выразило изумление.

– Почему?

– При регистрации брака возьму твою фамилию. Она древняя и красивая. Так что пусть привыкают.

От неожиданности она не нашлась, что сказать. Не удивительно. Здесь не принято переходить на фамилию жен, даже если сам Педик. Не удивляйтесь, в своем времени я знал человека с такой фамилией. Женатого, между прочим. И он всем объяснял, что Педик – это не то, что думают. У фамилии другие корни. Так-то оно так, но... Самец – тоже не муж самки. В белорусском языке моя фамилия означает «самостоятельный», «самодостаточный». Но объяснять это каждому?

– Сережа!..

Лист падает на пол, а на моих коленях оказывается упругое девичье тело. Целуемся – раз, другой... Рука сама ложится к ней на колено и ползет вверх.

– Я разрешу тебе все, – шепчет она. – Кроме...

– Понял! – отвечаю таким же шепотом. – Фата и все такое.

Горячие губы заклепывают мне рот...

Через пару часов я уверился, что не разбираюсь в девственницах. В католических – тем более. Мне действительно разрешили ВСЕ. Ну, кроме... Набравшись наглости, я предложил Лиле попробовать кое-что из арсенала двадцать первого века. Лилия подозрительно сощурилась: откуда знаю? «Видел в порнографическом журнале», – признался я. Она кивнула. Парни – они такие, тянутся, к чему не нужно. Однако любопытство пересилило. Словом, мы попробовали. Неопытность партнеров не сказалась на результате. На нас накатило любовное безумие. Когда последняя судорога сотрясла наши тела, Лилия переместилась мне на грудь и заглянула в глаза.

– После свадьбы будем так делать?

– Как скажешь, – сказал я.

– Скажу! – пообещала она. – Мне понравилось.

Лицо ее приняло мечтательное выражение. М-да... Правку рукописей мне придется отрабатывать. Ну и пусть. Не кирпичи таскать... Я чмокнул ее в носик, затем – в губы. Мне тут же ответили. Мы занимались этим, пока я не почувствовал, что готов к подвигам. Предложение закрепить навыки восприняли на «ура»...

* * *

Из мужского корпуса Лилия вышла без десяти одиннадцать. Сергей проводил ее до вахты. Они распрощались, целомудренно чмокнув друг друга в щечки. Дежурные смотрели на них во все глаза. Лилия задрала голову и, прижимая к груди папку с рукописью, направилась к себе. Пусть завидуют! Их так не приласкают...

Маша была дома. Утром Лиля ее не видела. Соседка чуть свет убежала в магазин, где, по секретным сведениям, ожидался «выброс» дефицита. Звала и Лилю, но ей было не до того. Увидев подругу, Маша вскочила с койки и уперла руки в бока.

– Явилась! Рассказывай!

– Что? – удивилась Лиля.

– Как что? – Маша всплеснула руками. – Дома не ночевала, весь день где-то шлялась. Колись!

– Не буду! – сказала Лиля. – Это личное.

– Какое личное?! – кровь бросилась Маше в лицо. – Ты что творишь, пацанка? Общага гудит. Какая слава пойдет? Тебе замуж выходить!

– Уже, – сказала Лиля.

– Что уже?

– Выхожу.

– Вот как... – Маша убрала руки с боков. – Как честный и порядочный человек он сделал тебе предложение?

– Но не потому, о чем ты подумала! – фыркнула Лиля. – Да, я ночевала в его комнате, но ЭТОГО, – она выделила голосом, – не было.

– Но он приставал? – уточнила Маша.

– Конечно! – подтвердила Лиля. – Но я не дала.

– Молодец! – одобрила Маша. – Моя школа. Ладно. Ты уверена, что это всерьез? Говорят, он балабол.

– Он? – Лиля засмеялась. – Иногда я чувствую себя рядом с ним, как дочь с отцом. Серьезней некуда.

– Возможно, – сказала Маша. – Но ты торопишься. Можно найти лучшего. Не спорь! – подняла она руку, заметив ее возмущение. – Я все про него выведала. Не спорю, парень хороший. Не пьет, не курит, занимается спортом. Но тебе не пара. Работяга, институт бросил. О чем с ним разговаривать?

– О литературе, – сказала Лиля. – Сегодня весь день мы говорили о литературе. Вернее, говорил он, а я слушала. Я студентка филфака, хожу на лекции, но такого не знают даже наши преподаватели.

– Неужели? – удивилась Маша.

– Вот! – Лиля потрясла папкой. – Повесть. Это он написал. Талант! Читала и плакала.

– Дашь посмотреть?

– Сначала перепечатаю, – Лиля прошла к своей койке. Положив папку на стол, она прилегла на койку. Мысленно она была в объятиях Сергея. И вспоминать это было необыкновенно приятно. Внезапно сетка кровати скрипнула, приняв на себя еще одно тело.

– Лиля... – ладошка погладила ее по щеке. – Не сердись. Если все, как ты говоришь, то ладно... Но учти – могут быть неприятности. Галка в ярости. Грозится выцарапать тебе глаза. Мол, увела жениха.

– Облезет! – Лиля употребила словечко Сергея. Они ей нравились. – Нашлась невеста! Кошка драная... Пускай ищет себе других. Он не для нее.

– Пусть, – согласилась Маша. – Расскажи, а?

– Что? – спросила Лиля, не открывая глаз.

– Ну... Как у вас было? Ночью?

– Не скажу, – ответила Лиля. – Это личное.

– Но хоть в двух словах! – взмолилась Маша.

– В двух? – Лиля задумалась. – В двух скажу. Я очень счастлива, Маша. Очень, очень...

6

Дина Аркадьевна повернула ключ в замке и толкнула дверь от себя. Скрипнув петлями, та отворилась. Дина прошла к маленькому окошку и потянула на себя форточку. Воздух осенней Москвы, пахнувший прелой листвой и выхлопными газами автомобилей, ворвался в узкую, как пенал, крохотную комнатку. Раньше здесь была техническая, где уборщицы держали свои швабры. Дина уговорила главного редактора отдать комнатку ей. Она много курит, а выходить постоянно на лестничную площадку с ее протезом... Главный распорядился. Уборщицы поворчали, но смирилась. Дина купила им конфет и бутылку шампанского, и они успокоились.

На столе лежала стопка вскрытых конвертов и бандеролей. Дина поморщилась. Сегодня ее очередь читать самотек. Нелюбимая работа, но что сделаешь? В редакции и без того шепчутся, что главный ей благоволит. Отдает лучших авторов, хвалит на летучках, не обижает премиями. С Борей они и вправду дружат. Только молодым не понять, что за этим стоит. Они оба прошли войну в действующей армии. Боря – как журналист, она – сестрой медсанбата. Ему судьба благоволила, ей не повезло. Огневой налет немцев, и осколок снаряда срезал ногу ниже колена... Боря знает, что значит жить на протезе. Он «Повесть о настоящем человеке» написал...

Дина достала из пачки папиросу, постучала мундштуком по столу, вытряхивая крошки табака, примяла его, сунула в рот и чиркнула спичкой. Поехали...

К полудню стопка с рукописями заметно похудела. Дина работала как автомат. Пробежать глазами первые страницы, заглянуть в середину, затем – в конец. Все, мнение составлено. Пусть авторы считают, что их нетленные произведения

в редакциях изучают, не отрывая глаз. «Для того чтобы понять, что рыба испорчена, не обязательно съедать ее целиком», – писал Чехов. Рукописи в самотеке были как раз такими – тухлыми и несъедобными. Графоманы, эпигоны и просто больные на голову люди почему-то считали, что их тексты осчастливят журнал. Занялись бы лучше чем-нибудь полезным... На просмотренных рукописях Дина делала карандашом пометку «В», что означало «возврат». А как же? В Советском Союзе рукописи рецензируются и возвращаются. Каждому нужно разъяснить, почему его нетленное произведение не может быть напечатано. Причем сделать это вежливо и, по возможности, не обидно. Не то станут жаловаться в ЦК. Объясняйся потом...

За внутренние рецензии в редакции платили. На этом деле кормились многие. Сами редакторы, писатели, студенты Литературного института... Дина не участвовала. Привыкшая на фронте рубить сплеча, она не могла заставить себя махать хвостом перед кончеными графоманами. Да идут они!..

Эта рукопись выглядела, как обычно. Коричневая оберточная бумага, перевязанная шпагатом. Торец бандероли взрезан ножницами. Работа секретаря. Ее задача – определить, что прислал автор: прозу или стихи? Затем раскинуть самотек по отделам. Дина вытащила из бандероли рукопись. На стол выпал листок с биографией автора и прикрепленным к ней скрепкой фото. «Надо же! – усмехнулась Дина. – Позаботился. Уже видит свой текст опубликованным». Листок с фото она отодвинула в сторону – даже смотреть не будет. Все равно «В». Взяла первый лист рукописи. Так. Сергей Девойно, «Черный лебедь», повесть. «Про природу, наверное, – подумала Дина. – Точно „В“». В следующий миг она поняла, что ошиблась».

«Фуэте не задалось. Алла сбилась и перешла на туры кругом...»

Следующий час Дина Аркадьевна просидела, не отрываясь от чтения, пока желудок не напомнил, что он пуст. Дина с усилием отодвинула рукопись, встала и, прихватив чайник, проковыляла в туалет. Там наполнила его водой и, вернувшись к себе, поставила на электрическую плитку. Перекусив захваченными из дому бутербродами, она выпила чаю и, бросив кружку немытой, вцепилась в рукопись. Время от времени она доставала папиросу, прикуривала и выпускала дым, но не чувствовала его вкуса. Окружающее исчезло. Она видела сцену с танцующими балеринами, восхищенно наблюдающего за ними паренька, слышала его разговор с возлюбленной и переживала вместе с ним. Когда текст закончился, Дина некоторое время

сидела, глядя перед собой. Затем поднесла к глазам последнюю страницу.

– Значит, хочешь танцевать на Западе? – спросил Артем.

– Да! – ответила Алла.

– Не передумаешь?

– Нет.

Он замолчал и некоторое время шел рядом, глядя прямо перед собой.

– У тебя есть мать?

– Конечно, – ответила Алла.

– Готова бросить ее?

Алла замялась.

– Все правильно, – с горечью сказал он. – Зачем она? Тебя она вырастила, дала образование, теперь можно и обойтись. Отработанный материал.

Алла хотела возмутиться, но не нашлась, что ответить.

– Знаешь, – сказал он, – а у меня нет матери. Родители погибли в автомобильной аварии. Я рос в детдоме. Время от времени к нам приезжали шефы с подарками. Мы бежали к ним и заглядывали в глаза: вдруг кому-либо приглянемся, и они заберут нас к себе. Некоторым везло, но у меня не вышло. Я вырос, получил специальность, работаю, учусь в институте. Страна сделала все, чтобы я был счастлив, и я благодарен ей. Но матери у меня нет... Иногда я вижу идущую навстречу немолодую женщину и начинаю вглядываться. Вдруг это моя мама? Вдруг она уцелела в аварии и сейчас ищет меня? И мы, наконец, встретимся? Я бы полжизни отдал, чтобы такое произошло...

Он помолчал.

– Думаю, нам надо расстаться. Мы говорим с тобой на разных языках, хотя выросли в одной стране. Прощай! Будь счастлива!

Он повернулся и пошел прочь. Алла хотела его окликнуть, но крик замер в горле.

...Вечером был спектакль. Алла в пачке черного лебедя выбежала на авансцену и замерла. Из оркестровой ямы воспарила музыка. Пришло время ее фуэте. Алла завертелась, выбрасывая ногу параллельно сцене. В зале вспыхнули аплодисменты. После каждого оборота Алла находила взором узор на ограждении бельэтажа. Для балерины во время исполнения фуэте важно иметь перед собой одну точку. Иначе закружится голова, и она потеряет равновесие. Раньше точкой было лицо Артема. Он специально покупал место в центре зала. Танцуя, Алла находила его глазами, и ей становилось спокойно и хорошо. Но сегодня в зале Артема не было – не пришел. И никогда более не придет...

Алла закончила фуэте и вскинула руки. Зал взорвался овацией и криками «браво». Она кланялась и улыбалась. Через силу...

А Артем в это время сидел на лавочке в парке и смотрел в небо. Там, вытянувшись вдоль Млечного пути, улетал прочь Лебедь. Ему, гордому и далекому, не было дела до человека, наблюдавшего за ним с Земли. «Ладно, – подумал Артем, – это всего лишь созвездие. Настоящие лебеди возвращаются...»

– Подлец! – сказала Дина Аркадьевна, кладя лист. – Сукин сын!

В ее устах это было высшей похвалой. Дина отодвинула рукопись и взяла лист с биографией. С фото смотрел юный паренек в рабочей одежде. За спиной кирпичная кладка стены – похоже, снялся у цеха. Лицо уверенное, с упрямой ямочкой на подбородке. На лбу слева – заметный шрам. «Старая фотография, – решила Дина Аркадьевна. – Хочет выглядеть молодым. Зачем?»

Она взяла листок с биографией и пробежала его глазами. Что? 21 год? Не может быть! Среди авторов «Юности» встречались двадцатилетние. Но, во-первых, их было мало, а во-вторых, у них не могло быть столь зрелой прозы. Розыгрыш? Но кому он мог понадобиться? И для чего?

Еще раз прочитав биографию, Дина сняла трубку телефона. Сейчас она проверит. Если это розыгрыш, автору не поздоровится. Линия оказалась

свободной, и Дина набрала «07».

– Пожалуйста, Минск, – сказала откликнувшемуся оператору. – По справке, прессовый корпус Минского тракторного завода. Любой, кто ответит. Нет, телефон не квартирный, редакция журнала «Юность». Спасибо.

Она успела выкурить две папиросы. Когда телефон зазвонил, Дина сняла трубку.

– Алло, – раздался в наушнике девичий голосок.

– Здравствуйте, девушка! – сказала Дина. – Это прессовый корпус тракторного завода? Я верно попала?

– Да, – подтвердила девушка.

– У вас работает... – Дина придвинула ближе листок. – Сергей Александрович Семец?

– Зачем он вам?

– Я редактор отдела прозы журнала «Юность», – сказала Дина. – Моя фамилия Хаятина, зовут Дина Аркадьевна. Этот ваш Семец прислал нам повесть. Я хочу с ним поговорить.

– Подождите! – воскликнули на другом конце провода. – Я сейчас позову!

Дина услышала стук брошенной на стол трубки. «Надо же! – улыбнулась она. – Похоже, испугала девочку».

Ждать пришлось минут пять. Наконец, в трубке раздался сочный баритон.

– Слушаю.

– Сергей Семец? – уточнила Дина.

– Он, – ответил баритон.

– Хаютина Дина Аркадьевна, редактор журнала «Юность».

– Очень приятно, – сказал Семец.

«А он чувствует себя уверенно. Не то, что девочка».

– Я прочла вашу повесть, Сергей. Скажите... – Дина замялась. – Это вы писали?

К ее удивлению, на другом конце провода рассмеялись.

– Я сказала что-то смешное? – обиделась Дина.

– Простите! – извинился собеседник. – В первый раз этот вопрос мне задала учительница литературы в шестом классе. Прочитала мое сочинение. Не беспокойтесь, Дина Аркадьевна, писал я.

– Но... – Дина поискала слова. – Текст очень зрелый. А вам 21 год.

– Я рано повзрослел. Так вышло.

– Сирота? – догадалась Дина.

– Круглый.

«Детдомовец?» – хотела спросить Дина, но не решилась.

– И еще, Сергей. Текст идеально вычитан – ни одной ошибки.

– Это Лиля.

– Какая Лиля? – не поняла Дина.

– Моя невеста. Вы с ней уже разговаривали. Лиля учится на филфаке. Она правила и печатала мою повесть. У нее талант редактора. Сам я пишу с ошибками.

«Понятно», – подумала Дина. Наверняка, девочка помогала ему и в работе с текстом.

– Вы пишете, что удостоены медали. «За отвагу» – боевая награда. А сейчас мирное время.

– Меня наградили в армии.

– В каких войсках вы служили?

– Пятая бригада специального назначения в Марьиной Горке.

«Черт! – подумала Дина. – Дернуло же за язык. Неизвестно, где воевал этот парень. Это же секрет!»

– Я буду рекомендовать вашу повесть к печати, Сергей!

– Спасибо! – сказал он. – С меня причитается.

«Все вы так говорите», – подумала Дина и положила трубку. Подумав, она сложила рукопись в папку и, не забыв фото с биографией, вышла из комнатухи. В приемной главного скучала секретарша.

– У себя? – спросила Дина.

– Да, – кивнула секретарша. – Но я бы не рекомендовала. Ездил в ЦК, вернулся злой. Велел никого не пускать.

– Мне можно, – сказала Дина и проковыляла к двери кабинета.

Главный встретил ее хмурым взглядом.

– Хреново выглядишь! – сказала Дина.

– Тебя бы туда! – буркнул он. – «Печатаете незрелые вещи, противоречащие курсу партии», – передразнил он кого-то. – А где эти «зрелые» взять? Приносят херню... Чего надо?

– Почитай! – Дина положила на стол папку. – Настроение улучшится.

– Уверена? – сощурился он.

– Я когда-нибудь ошибалась?

– Ну... – он придвинул к себе папку. – Ладно, иди. Не то начну ругаться.

– Как будто я матов не слышала! – улыбнулась Дина, но вышла.

...Борис позвонил ей вечером домой.

– Привет! – сказал, не подумав извиняться за поздний звонок. Впрочем, их отношения это позволяли. – Прочел. Это не розыгрыш?

– Проверила, – ответила Дина. – Звонила по межгороду в Минск. Парень именно тот, за кого себя выдает. Все, что он сообщил о себе, правда. Что тебя смущает?

– Возраст, – буркнул Борис.

– Он сирота, детдомовец, поэтому рано повзрослел. Писать ему помогала студентка филфака, поэтому рукопись грамотная. Он просто талант, Боря! Вспомни себя. Первую книгу издал в 19 лет. А Шолохов? Тот начал опубликовать «Тихий Дон» в 22 года.

– С Шолоховым был скандал, – сказал главный, но по его тону Дина поняла, что сравнение ему понравилось.

– И что? – не смутилась Дина. – Еще в 30-е годы создали комиссию. Она подтвердила, что писал Шолохов. Потом это вновь раздули. Вопрос: кто? Враги, которым наша страна, как кость в горле.

– Этот парень – не Шолохов.

– Я этого не утверждала.

– Балеруны, мечтающие танцевать на Западе, – сварливо сказал главный, – Главлит[13 - Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР. Осуществляло цензуру печатных произведений.] зарубит.

– А ты отправь рукопись в ЦК с сопроводительным письмом. Если там примут положительное заключение, Главлит заткнется. В ЦК поддержат, поверь! У них тоже проблемы. Люди слушают «голоса», шепчутся на кухнях, ругают партию. А прояснить ее линию в литературе по-настоящему некому. Те, кто пытаются, делают это убого. Здесь как будто свежим ветром пахнуло. Никаких секретов Самец не выдает. О сбежавших балерунах писала «Правда», общественность их осудила. Послушай моего совета, Боря! Парень прислал два экземпляра. Отправь первый в ЦК, второй запускай в работу. И ставь эту вещь как можно скорее.

– В январский номер?

– Ноябрьский.

– Тот сверстан.

– Выбрось кого-нибудь к хренам! Ты что – не понимаешь? В феврале будущего года – съезд КПСС. Доклад Генеральному секретарю уже пишут. К январю он будет готов, и «Черного лебедя» не заметят. Ноябрь – последний срок. Не хочу, чтобы «Юность» попала в доклад, как образец безыдейности и отхода от генеральной линии партии.

– Ладно! – сказал Борис и положил трубку.

«Перестраховщик!» – подумала Дина, но ругаться не стала. Боря – хороший человек и талантливый писатель. Его «Настоящий человек» – сила. Книга на все времена...

Отправляя повесть в журнал, я рассчитывал, что ею заинтересуются. Но червячок сомнения грыз. Сколько моих знакомых литераторов в той жизни надеялись прославиться в веках! Надували щеки, потрясали законченными рукописями. И что? Не всех даже напечатали. Планировать успех в творчестве – дело пустое. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»

Звонок из редакции меня воодушевил, но и посеял тревогу. Вдруг не срастется? Есть ведь такая организация – Главлит. Она присматривает за соблюдением генеральной линии партии в печати. А повесть – острая...

В начале октября пришли гранки. То есть сверстаный и отпечатанный текст, присланный автору для согласования. Темп работы меня изумил. Это в моем времени верстали на компьютере – быстро и легко. Закидываешь текст в программу, и та сама его расставляет по заданному шаблону. Остается только поправить. Здесь по-иному. Текст набирают на линоTYPE. Этот аппарат отливает строки из свинцового сплава. Верстальщик собирает их в столбцы и зажимает в рамке. Затем накатывает краску валиком и делает оттиск. Из последних собирают гранки, которые вычитывает корректор. Для исправления ошибки строку отливают заново. Верстальщик находит дефектную, вытаскивает ее шилом и вставляет новую. Можно представить себе скорость процесса...

В «Юности» спешили, и мне было непонятно, почему. Это радовало и тревожило одновременно. Подумав, я сходил на почту и позвонил в редакцию. Номера телефонов нашлись в журнале. Дина Аркадьевна ответила не сразу. Телефон оказался параллельным, и к ней бегали, чтобы попросить поднять трубку.

– Здравствуйте! – сказал я, услышав знакомый голос. – Это Сергей Девойно, он же Семец. Я вычитал гранки и отправил их в редакцию.

– Спасибо! – поблагодарила Дина Аркадьевна. – Мы торопимся.

– В каком номере запланирована публикация?

– В ноябрьском.

«Ого! – мысленно охнул я. – Ни фиги себе скорость! Чем же я им так угодил?»

– Главлит не прицепится?

– Приятно иметь дело с информированным человеком! – хмыкнули на другом конце провода. – Не беспокойтесь, Сергей! Публикацию согласовали с ЦК.

– Поражен, – признался я.

– Ваша повесть понравилась Борису Николаевичу. В ЦК – тоже. Так что не беспокойтесь.

– Дина Аркадьевна! – сказал я торжественно. – Я ваш должник. Как только получу гонорар...

– Ну, ну! – в трубке засмеялись. – Посмотрим. Кстати, хочу спросить. Откуда такой псевдоним?

– Это фамилия моей невесты. После женитьбы перейду на нее.

– И когда свадьба?

– Как только напечатаете повесть.

– Это она так потребовала? – заинтересовалась Дина Аркадьевна.

– Сам решил. Семью надо содержать. Гонорар лишним не будет.

– Приятно слышать, – одобрила она. – Вы действительно взрослый человек. А насчет гонорара поговорю с Борей. Пусть разметит побольше.

– Дина Аркадьевна!..

– Слышала уже, – вновь засмеялась она. – Век не забудете. Над чем работаете?

– Пишу рассказы.

– Почему не повесть? Они у вас неплохо получаются.

– Напишу, но чуть позже. Хочу издать книгу. Повесть и рассказы – стандартный формат для молодого автора.

– Хм! – сказали в наушнике. – Формат... Непривычно, но понятно. Вы странно употребляете слова, Сергей, я это и в повести заметила. В Белоруссии так говорят?

– Ага! – соврал я.

– Интересно было бы послушать. Никогда не бывала в ваших местах, даже в войну, – она вздохнула. – Ладно, Сергей. Рассказы, как закончите, тоже присылайте. Возможно, возьмем. Если не все, то парочку. Или хотя бы один.

Я поблагодарил, и мы распрощались. В общежитие я летел на вмиг выросших крыльях. Получилось! Срослось, вашу мать! Йес! Ай, да Семец, ай, да сукин сын! Орел! Красавчег...

По этому поводу мы с Лилей закатали банкет – в нашей комнате, конечно. Коля принял в нем участие как член семьи, то есть свидетель на свадьбе со стороны жениха. Здесь это не формальная должность. В роли свидетелей выступают близкие друзья. Отношения с ними сохраняют годами, если не десятилетиями. Лиля привела соседку по комнате, Машу. Та, в свою очередь, согласилась стать свидетельницей. Для незамужней девушки – приятная миссия. На свадьбах свидетели в центре внимания публики, им даже «горько!» кричат – правда, в шутку. Некоторые, впрочем, целуются. Так что Маша посматривала на Колю с интересом.

– Об одном попрошу, – сказал я свидетелям. – О публикации пока ни слова. Не то сглазим.

Оба кивнули – дело понятное.

– Журнал подаришь? – спросила Маша. – С надписью от автора.

– Непременно! – кивнул я. – Если раздобуду.

– В комитете комсомола попроси! – посоветовала Маша. – Помогут.

Я хлопнул себя по лбу – точно! В этом времени люди читают много и жадно. Спрос на книги и периодику бешеный. Бумаги не хватает, поэтому тиражи лимитируют. На «Правду» это, конечно, не распространяется, как и на «Советскую Белоруссию». А вот литературные журналы – в лимите. С началом подписки на почте выстраиваются очереди. Многим не достается. Да что там журналы? В том времени я работал в ведомственной газете белорусского МВД. Тираж – 400 тысяч экземпляров при жестком лимитировании. Обычному гражданину выписать газету не светило – только сотрудникам МВД и их помощникам. Так ради подписки люди в дружину записывались. Комитет комсомола – орган идеологический. С «Союзпечатью» наверняка сотрудничает.

– Ты умница, Маша! – сказал я прочувствованно. – Дай, поцелую!

– Но, но! – взволновалась Лиля.

– Не пыли! – отмахнулась Маша. – Не уведу я твоего жениха. Даже если б и захотела.

Она залепила мне жаркий поцелуй. Коля захохотал, Лиля надулась. Впрочем, ненадолго. В знак примирения мы с ней расцеловались, причем Коля с Машей в этот момент скандировали: «Горько!» Репетировали, словом. Душевно посидели...

В комитете комсомола новостью восхитились и обещали помочь. Не каждый день работников завода печатают в союзном журнале! Даже не каждый год. В комитете вообще не смогли вспомнить прецедента. С меня взяли обещание выступить перед читателями в заводской библиотеке, я согласился. А что – приятно.

В конце ноября вышел журнал. Текст повести практически не правили. Имелась моя фотография. Я подрядил на съемку фотокора из заводской многотиражки, заплатив ему три рубля. Присутствовала кратенькая биография. О медали упомянули. В своем времени я ее стеснялся. Все было не так, как написали в представлении. Шевко, действительно, уронил гранату под ноги. Но это был мой косяк – не сумел научить молодого. И спасал я не его – себя. Отшвырнув гранату

ногой, сбил с ног пацана и шлепнулся рядом. Собой я его не накрывал, просто оказался ближе к взрыву. Шевко не задело, чему я очень радовался. За его смерть или тяжелое ранение с меня бы спросили. Самого меня слегка поцарапало. РГД-5 – граната слабенькая, осколками лишь поверху задело. На учениях присутствовал генерал из Москвы – это он приказал раздуть подвиг. Во-первых, это свидетельствовало о высоком моральном духе личного состава. Во-вторых, показывало выучку младших командиров. Командир части был только «за». Он пролетал мимо наказания и становился воспитателем героев.

Здесь я стесняться не стал. Еще плюс в мою карму, чего сомневаться? Я же циник...

Комсомольцы сдержали слово. В «Союзпечати» мне продали десять экземпляров – с заднего хода, конечно. Половина из них улетела тут же. Один – Маше, второй – Коле, третий – библиотеке... Экземпляр пришлось презентовать мастеру Мамаю, а там выяснилось, что и начальник корпуса не против... Пожелание его мне передала Лиля. Куда денешься? Из заводской многотиражки прибежала корреспондентка. Слушая ее, я вздыхал – детский сад! Где родился, где крестился, кто родители, как учился в школе?... Пришлось брать инициативу в свои руки. Биографию я сходу отсек и перешел к литературе. Журналистка в ней не разбиралась совсем, так что я диктовал, а она записывала. Зато интервью вышло интересным. Корреспондентка даже ничего не перепутала – ну, почти...

На работе и в общежитии меня поздравляли, жали руку и желали творческих успехов. Причем искренне. Зависть здесь есть, но совсем малая по сравнению с моим временем. Там из-за нее ссорились с соседями, теряли друзей и даже родственников. Зато имели демократическое общество с рыночной экономикой. Передовое, ёпть!

Мы с Лилей отнесли заявление в ЗАГС и поехали представлять жениха ее родителям. Готовились неделю, покупали гостинцы. В обязательный набор входили городская колбаса и торт. Купить последний было проблемой. Заранее брать нельзя – испортится, а в нужный день можно не найти. Пришлось вставать затемно, ехать в центр, занимать очередь в «Лакомку»... Зато торт достался – шик-блеск. С кремовыми розочками и листиками. Лилия просветила меня насчет деревенских предпочтений.

Дорогой я волновался – вдруг не понравлюсь? Разумом понимал – глупость. Но на душе кошки скребли. Люди в деревне приметливые. Любовь перед ними сыграть

трудно. К Лиле я, что называется, не пылаю. Нет, она мне нравится. Умная, симпатичная девчонка с абсолютным литературным слухом. И на ощупь приятная... Но с моей стороны это брак по расчету – и только. В моем времени – дело обычное, а вот здесь не принято...

На автовокзале райцентра нас встретили. Высокий, широкоплечий мужчина с заметным брюшком шагнул к нам на перроне.

– Батька! – обрадовалась Лиля и, бросив сумки, полезла к высокому целоваться. Будущий тесть облапил ее и с удовольствием чмокнул в щечку. По лицу здоровяка было видно, что дочка у него – любимица. Покончив с поцелуями, Лиля указала на меня.

– Знакомься, батька! Это Сергей.

– Вацлав!

Здоровяк протянул мне руку. Я назвалса и пожал ее. М-да, хватка у этого медведя еще та.

– Пойдзем! – Вацлав подхватил сумки. – Я у старшины «уазик» пазычыв[14 - Идем! Я у председателя «уазик» одолжил.].

– Дал? – удивилась Лиля.

– Мне – дав, – снисходительно сказал будущий тесть.

УАЗ обнаружился сразу за автовокзалом. Мы загрузили сумки и полезли внутрь. Вацлав сел за руль, я примостился рядом, в последний миг заметив движение глаз Лили. Ну, да – рядом с водителем должен сидеть мужчина. Женщина только в случае его отсутствия или если начальница. Неписаное правило.

Мы выбрались из города и покатали по асфальту. Неплохие здесь дороги! Ну, так колхозы богатые – есть кому раскошелиться. Сахарная свекла – выгодная культура, это меня Лиля просветила. Дорогой я молчал. Лиля щебетала за спиной, вываливая на отца столичные новости и выпрашивая местные. Вацлав отвечал односложно, время от времени поглядывая на меня. Я делал вид, что

поглощен пейзажем. Он был и вправду хорош. Снег выпал, его сгребли с шоссе на обочины. Мы ехали между сугробов. За ними торчали деревья и простирались поля. Время от времени посреди полей возникали одинокие рощицы. Кладбища... Неподалеку деревня, или она здесь когда-то была. Знаем.

На очередном перекрестке УАЗ свернул, и мы въехали в деревню. Хорошо живут свекловоды! Новые дома, некоторые – из кирпича. Крыши – шиферные, попадаются и железные. Ровные заборы, крепкие ворота. Возле одних из них УАЗ притормозил.

– Приехали! – сообщила Лиля.

Обочь ворот грудой лежали бревна. Ель, осина... Судя по виду, привезли недавно – снега сверху нет.

– Дрова? – спросил я Вацлава.

– Ага! – кивнул он.

– А что зимой привезли?

– Дык, леспромхоз...

Уточнять я не стал. Вацлав подхватил сумки, мы вошли во двор. Встречать нас высыпала вся семья. Мать Лили – невысокая, худенькая женщина лет сорока. Глянув на нее, я понял, как будет выглядеть моя супруга через двадцать лет. Мать с дочкой были одна в одну – как лицом, так и фигурой. А вот братья Лили пошли в отца – высокие и плечистые. Если старший Вацлава почти догнал, то младший обещал сделать это в скором времени. Лили кинулась целоваться с родней, я скромно встал позади. Наконец, очередь дошла и до меня.

– Здравствуйте! – сказал я. – Меня зовут Сергей.

– Анна Станиславовна! Толик! Виталик!

Мы поручкались. Ладонь у тещи оказалась узкой и сухонькой, у братьев – широкие и сильные.

– Ладна, – сказал Вацлав. – Идзице у хату. А я машину адганю.

Мы пошли. Пока Лиля распаковывала сумки и оделяла родню гостинцами, я прошелся по дому. А что, неплохо живут. Фабричная мебель, в зале – телевизор. Черно-белый, конечно, но большой. Есть диван, в спальне – широкая кровать, плательный шкаф. Шкаф есть и в зале, на стенах – полки. Последние полны книг. Я присмотрелся: большей частью учебники, но есть и художественная литература. На одной из полок обнаружился журнал «Юность» с моей повестью. Он стоял на видном месте. Это Лиля не утерпела и послала родителям – хотела похвастаться женихом.

Вацлав вернулся скоро, и меня позвали за стол. Тот ломился от еды. Ну, так будущий зять в гости приехал. Капуста, маринованная по-деревенски, то есть целыми кочанами, соленые огурцы, розоватое сало с прослойкой, привезенная нами колбаска, вареная курица... Как финальный аккорд, теща достала из печи и поставила на стол чугунок, откуда немедленно потянуло аппетитным запахом. Мне навалили тушеной с мясом картошки. Ее долго томили в печи, поэтому картошка рассыпалась в пюре и пропиталась мясным соком. Обожрись.

Из выпивки на столе была водка «Русская» под пробкой-«бескозыркой», бутылка ординарного виноградного вина, явно купленного в местном сельпо, и еще одна емкость без этикетки. Понятно.

– Ты як? – посмотрел на меня тесть. – Магазиною ци свойскую?

– Свойскую! – сказал я, заслужив одобрительный взгляд.

Напитки разлили по стопкам – рюмок здесь не водилось. Женщинам досталось вино, мне с Вацлавом и Толиком – самогонка. Виталику – ничего. Мал еще, всего пятнадцать. Семнадцатилетнему Толику напустили полстопки. Как я понял – чисто символически. Правильно. Нечего детей спаивать.

– Будзем!

Хороший тост. Коротко и по существу. Я проглотил ароматный самогон – умеют гнать! – и набросился на еду. Умм! Язык проглотишь!

Некоторое время все сосредоточенно ели. Ненадолго прервались, чтоб выпить еще по стопке, затем продолжили. Мне было приятно и хорошо. Двести граммов крепкого самогона, обильная и вкусная еда... Хорошо сидим! Наконец, все наелись, и Вацлав отодвинул пустую миску. Так, сейчас будет допытываться.

– Вяселле дзе думаеце гуляць? У Мінску?[15 - Свадьбу где думаете играть? В Минске? (бел.)]

– В Минске нет смысла, – ответил я. – Там пара друзей, а родни у меня нет. Лиля предлагает здесь.

– А як гэта у цябе няма радні?[16 - А как это у тебя нет родни? (бел.)]

Черт! Настроение стремительно поползло вниз.

– Да вот так, Вацлав Иосифович. Деревню, где жила моя мать, в войну немцы сожгли – вместе с жителями. Мать чудом уцелела: ходила в соседнюю деревню больную тетку проведать. Так у нее и осталась. Но тетка вскоре умерла, мать жила у чужих людей. После того, как Белоруссию освободили, попала в детдом. Смогла выучиться, стать учительницей. Замуж не вышла. После войны это трудно было – мужчин мало. Чтобы не быть одинокой, к тридцати годам родила меня. В детстве много голодала, поэтому часто болела. Умерла, когда я служил в армии. Вот так и вышло... – я встал. – Пойду, подышу. Душно здесь...

Мороз обжег влажные щеки. Черт, не сдержался. Накатило. Это в моем времени мать-одиночка станет явлением привычным. Здесь это моветон. Сколько в детстве наслушался! Байстрюк... Как будто дети, рожденные вне брака, не такие же, как остальные. Чтобы это доказать, я стремился быть первым – в спорте, учебе, работе... Сумел. Всем известный в моем времени Александр Лукашенко тоже через это прошел. Поэтому и стал президентом...

– Сережа?

Ко мне бежит Лиля в одной кофточке. Простудится ведь! Обнимаю.

– Пойдем! Там мать батьку ругает. Гляди, даст чапялой![17 - Ухватом.]

Да... Не хватало еще рассорить тестя с тещей.

– Идем!

Завидев нас, Вацлав поднимается из-за стола. Лицо виноватое.

– Сярожа, сынок, ты гэта...

– Ерунда, батька! Давай лучше выпьем!

– Правильна! – облегченно улыбается тесть. – Маци, няси бутельку!

Нарезались мы от души. И никто не сказал ни слова против. Теща только закуску подносила. Мы душевно поговорили. Я рассказал о наших планах: где и на что будем с Лилей жить. Сумма будущего гонорара тестя впечатлила – только головой покрутил. В колхозе за такие деньги наломаешься. Я сообщил, что рассчитываю на кооперативную квартиру – после армии встал на очередь. Одинокому ждать долго, а вот семейному – три года максимум. Один год я уже простоял, осталось два. Деньги на квартиру за это время мы заработаем...

– Так и мы паможам! – встрепнулся Вацлав. – Дачка все ж.

Я поблагодарил. Затем перешли к обсуждению будущей свадьбы.

– Шлюб брать будзете? – спросила теща.

На мгновение я завис. «Шлюб» – это брак по-белорусски. Ну, так про ЗАГС мы сказали... Дошло чуть позже. Так здесь называют венчание в костеле.

– А получится? Я православный, Лиля – католичка.

– Ксендз казав, што гэта не важна. Бог адзин. Так што павянчае.

Они уже и справки навели. Почему бы и нет?

– Берем! – кивнул я.

Тесть с тещей довольно заулыбались. Лиля подарила мне одобрительный взгляд. Не удивительно. Какой девочке не хочется предстать в белом платье перед алтарем? Церемония в ЗАГСе – это суррогат. К тому же венчание в этом времени предполагает серьезность намерений жениха и невесты. Правда, могут быть неприятности. За венчание запросто выпрут из комсомола, что нежелательно. Я поделился своими сомнениями с родителями Лили. Меня заверили, что беспокоиться не о чем – с ксендзом договорено. В книгу венчаний нас не впишут. Именно эти записи в моем времени служили источником выявления заблудших овец. Представители партии их проверяли, делали выписки и посылали сведения по месту жительства нарушителей. Других забот у них, козлов, не было...

– Только... – внезапно смутилась теща.

– Я сама ему скажу, мам! – поспешила Лиля.

И сказала. Мы как раз вышли подышать свежим воздухом.

– Мама хочет, чтоб я венчалась в фате...

Понятно. Что люди скажут? Это же деревня. И не важно, что к тому времени мы будем мужем и женой. Говно вопрос, как говорили в моем времени. Расписываемся мы в четверг – на этот день очередь в ЗАГС была минимальной. А вот субботы пришлось бы ждать три месяца – много в Минске желающих пожениться. В пятницу едем в деревню, в субботу венчание и свадьба.

– Думаешь, я не потерплю два дня?

– Сережа! Ты у меня...

Поцелуй. Как легко в этом времени сделать девочку счастливой! В моем они начнут требовать кольцо с бриллиантом, платье за тысячи долларов, роскошный лимузин напрокат. А то и машину в подарок. Оно-то не жалко, вопрос только: кому? И за что? Испорченную в будущем жизнь?

Мы вернулись в дом и продолжили. Словом, к кровати меня отвели. Коварный у тестя самогон. На вкус мягкий, голова от него светлая, и язык не заплетается. А вот ноги не идут.

Выспался я отменно. Лилю, естественно, уложили отдельно, так что никто не мешал. Когда открыл глаза, в комнате было светло. С учетом зимнего времени – часов девять. Так и оказалось. Нехорошо – в деревне принято вставать рано. Это подтвердил звук пилы за окном. Я отогнул занавеску на окне и выглянул. Толик с Виталиком пилили дрова за окном. Возле козел возвышалась гора чурбаков. Надо помочь, а то не поймут.

Я торопливо оделся, сбегал в сортир и умылся. Лиля накормила меня блинами со сметаной. Теща, как она поведала, возилась с живностью. У родителей Лили ее много. Корова, кабанчик, куры, индюки... Вацлав с утра отправился на мехдвор – какая-то срочная работа. Запив завтрак компотом – в деревнях чая не знают, я надел шапку и вышел во двор. Братья при виде меня прекратили пилить.

– Топор есть?

– Счас! – сказал Толик и принес из дома инструмент. Я осмотрел. Не колун. Они в этом времени редки. Лезвие не новое, и видно, что его, вдобавок, оттягивали в кузнице. Разумно: зачем колоть новым топором. Я щелкнул по лезвию ногтем. Металл отозвался звоном. Отличная сталь, и топорище удобное.

Я выбрал чурбак помассивнее и поставил на него другой. В своем времени я любил колоть дрова. На даче у меня имелась банька, да и печь в доме требовала пищи. Правда, топор у меня был финский, но и этот неплох. Хэк!..

Поленья от чурбаков летели во все стороны. Елка и осина колются легко – структура древесины прямая. Хэк!.. Гора поленьев росла, когда ко мне подошла Лиля.

– Сережа...

– Что? – спросил я, отведя ее в сторону.

– Мама просит тебя не колоть.

– Почему? – изумился я.

– Что люди скажут? Не успел жених приехать, как его запрягли.

– Передай маме, что мне это нравится. А люди... Пусть видят, что муж у тебя работающий. И завидуют.

Лиля заулыбалась, ткнула меня в грудь кулачком и убежала в дом. Я вернулся к прерванному занятию. Работа шла споро. К обеду вернулся Вацлав. Окинул взглядом сделанное, одобрительно хмыкнул и прошел в дом. Вскоре Лиля позвала нас обедать. Мы с тестем выпили по стопке, поели и отправились во двор. В два топора быстро покончили с дровами. Толик с Виталиком только успевали пилить. Мы перекидали поленья в сарай и отправились в баню. Ее протопили, пока мы возились. От души напарились. В доме женщины накрыли нам стол, а сами, в свою очередь, отправились мыться.

– Добра колиш! – похвалил меня тесть, напуская самогону в стопки. – Ня думау, што ты, гарадски, можаш.

– Я много чего могу, – не стал скромничать я. – Вот! – я взял со стола нож из числа подаренных мной Лиле. – Нравится?

– Добры, – согласился тесть. – Таких у дзярэуни ни у кого няма.

Мы выпили и закусили. Вскоре к нам присоединились женщины – помылись они быстро. После ужина Лиля предложила сходить в местный клуб. Суббота, танцы... Почему бы и нет?

Толик увязался с нами. Виталика оставили дома – мал еще. Тот посмотрел на нас с завистью. Понятно. В своем времени я тоже мечтал поскорей вырасти и пойти на танцы. Это казалось вступлением в новую жизнь. Мы шли вдоль домов, Лиля держала меня под руку, Толик шагал рядом. Несмотря на вечер, на улице было многолюдно. Исход из деревень уже начался, но на выходные молодежь приезжает под родительский кров. Отрыв от корней произойдет позже. Мы здоровались со встречными, Лиля представляла меня знакомым. Выглядела она при этом весьма довольной. Не удивительно. Девушке в этом времени выйти замуж – перейти в новую, более статусную категорию общества. Засидевшихся в девках не жалуют...

Колхозный клуб был выстроен по новейшему образцу – то есть с оштукатуренными стенами и без колонн. К крыльцу вела расчищенная от снега

дорожка, ярко освещенная фонарями. Мы прошли между сугробами и поднялись по ступенькам. Внутри было весело. Гремела музыка, в просторном фойе кружились пары. Мы сняли верхнюю одежду и включились в процесс – ненадолго, впрочем. Набежавшие подружки утащили Лилю поболтать. Читай: выпросить про жениха. Я отошел к стене. Внезапно передо мной возникла тень. Я присмотрелся. Парень лет двадцати. Моего роста, но худощавый. По лицу видно, что злоупотребляет.

– Ты с Лилькой прыйшов?

Ни «здрасьте» тебе, ни представления. И перегаром от него разит.

– Я.

– Яна мая дзевка.

– Это фигурки, – сказал я. – Мы с ней жених и невеста. После Нового Года расписываемся.

– Кинь яе, гарадски!

– Счас! – хмыкнул я. – Только шнурки поглажу.

Он набычился.

– Выйдзем!

Это запросто. А то даже скучно. На крыльце нас догнал Толик.

– Адзин на адзин! – предупредил соперника.

Лилин ухажер скривился. В том, что Толик оказался прав, я убедился почти сразу. Нам навстречу шагнули две фигуры. В принципе, не страшно. Рукопашник я не бог весть какой, но в армии кое-чему учили. Все же спецназ.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Самообеспеченность, самодостаточность.

2

Московский государственный институт международных отношений.

3

Психиатрический диспансер в Минске.

4

Василий Песков, журналист «Комсомольской правды» в 1964 году.

5

Братья Анатолий и Валерий Аграновские – самые известные журналисты той поры. Анатолия называли «журналистом номер один».

6

Река в Беларуси.

7

Поэт, классик белорусской литературы. Дебютировал в 16 лет, а всего прожил 25.

8

Ложь (нем.)

9

Метрика – свидетельство о рождении. В 50-е годы в СССР в случае отсутствия у ребенка официального отца в соответствующей графе ставили прочерк.

10

В СССР – отдел борьбы с хищениями социалистической собственности. В его юрисдикцию входила борьба со взяточниками.

11

Автором это не выдуманно – так и было.

12

Квят – цветок по-польски.

13

Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР. Осуществляло цензуру печатных произведений.

14

Идем! Я у председателя «уазик» одолжил.

15

Свадьбу где думаете играть? В Минске? (бел.)

16

А как это у тебя нет родни? (бел.)

17

Ухватом.

Купить: https://tellnovel.com/drozdov_anatoliy/revanshist

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)